Наталья Калинина
Аромат
колдовской свечи

Наталья Дмитриевна Калинина
Аромат колдовской свечи

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184022
Эксмо;
ISBN 978-5-699-36187-8

Аннотация

Зажигая восковую свечу, молодая журналистка Ника Болдырева не знала, что этой ночью окажется всего лишь на волосок от смерти. Один за другим, почти на ее глазах, погибают люди. Чтобы разорвать цепь трагических событий и разобраться, что же все-таки происходит, Нике придется спуститься в самый ад и узнать ужасную тайну – ту, что скрывает в себе колдовская свеча.

Содержание

I 4
II 25
III 52
IV 73
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Наталья Калинина
Аромат колдовской свечи

I

Старый «уазик» стонал и кряхтел, словно больной старик, на каждом ухабе, и Ника всякий раз, когда машину встряхивало, испуганно замирала, всерьез опасаясь, что древние механизмы не выдержат разбитой дороги и рассыплются. Сквозь пыльное и заляпанное грязью стекло она тревожно рассматривала унылые пейзажи, тщетно пытаясь избавиться от гнетущего ощущения ненадежности. В этом забытом богом уголке на всем, казалось, лежала печать тлена, и достаточно было любого неосторожного прикосновения или даже легкого дуновения ветра, чтобы всё – голые деревья, почерневшие и покосившиеся избы, обветшалые заборы (где они еще присутствовали) – развеялось прахом.

– Отжила свое бабка. Упокой господь ее душу… – Водитель «уазика», мужичок без возраста, вздохнул и торопливо перекрестился – скорее потому, что так положено, чем всерьез огорчаясь смерти старухи.

Машину в очередной раз тряхнуло, и Ника вцепилась пальцами в жесткое сиденье. Всю дорогу она упорно молчала, чем немало огорчала словоохотливого водителя Федо-

ра: тому охота было поболтать за жизнь с молодой столичной журналисткой, такой разговорчивой и любознательной утром, а сейчас словно воды в рот набравшей. Вместо Ники беседу вяло, отделываясь односложными словами и междометиями, поддерживал Стас Шатров – редакционный фотограф.

– Вы так и напишите в статье как есть, без приукрашиваний, как мы тут живем, – разглагольствовал Федор, затягивая по пятому разу старую «песню».

– Напишем, напишем, – нетерпеливо перебил водителя Стас, а Ника хмуро угукнула.

Хоть статья о проблемах деревень, сопровождаемая красноречивыми фотографиями, обещала получиться острой, от того энтузиазма, с каким Ника собиралась в командировку, не осталось и следа. В ее сознании до недавнего времени русская деревня ассоциировалась с парным молоком и коровами с лоснящимися упругими боками, с бревенчатыми торжественно-праздничными избами, стогами золотого душистого сена, румяными веселыми бабами и стайками хулиганистых и задорных, как воробышки, местных ребятишек. Образ этот сложился по старым фильмам, детским книжкам с картинками и смутным воспоминаниям из детства, когда маленькую Нику однажды на все лето вывезли за город, в подмосковное село – чистое и опрятное. И поэтому теперь, много лет спустя, перспективу путешествия, в какой-то мере экзотичного для столичной жительницы, она приняла почти

с детским восторгом. Но ее радужные представления оказались далекими от действительности. Какие-то деревни, мимо которых они проезжали, были еще обжитые, другие же – совершенно заброшенные, умирающие, состоящие всего из нескольких дворов, где доживали свой век немногочисленные старики и старухи. «Ужас… Полное отсутствие цивилизации… Край земли…»

Отправляясь в командировку, Ника преследовала личный интерес: не столько собрать материал для статьи, сколько побеседовать со старушкой Акулиной, проживающей в деревеньке Лески.

Шеф не сразу, но одобрил тему, и Ника самостоятельно составила маршрут. Вчера они со Стасом выехали из Москвы и после шести часов утомительной дороги в рейсовом автобусе прибыли в областной город. Переночевали в местной, не отличающейся уютом гостинице (единственной на весь город), а утром в кафе за завтраком познакомились с деревенским жителем Федором, который на своем «уазике» раз в месяц выезжал в город за продуктами и необходимыми в хозяйстве вещами. Ника поинтересовалась, знает ли Федор, где находится деревня Лески. «Далековато будет, – промолвил тот после паузы, во время которой что-то прикидывал. – Но в целом, можно за день управиться». И за вполне умеренную плату согласился подбросить их до места, а заодно провезти и по соседним деревням. «Вы только напишите все как есть. Правду!» – выдвинул свое условие Федор. А Стас пообещал

условленную сумму удвоить, если Федор потом привезет их обратно в город. «Да запросто!» – обрадовался тот возможности быстро и легко заработать.

Они благополучно добрались до Лесков, по пути иногда останавливаясь, чтобы сделать снимки. Но, к великому разочарованию Ники, оказалось, что Акулина, дожившая до восьмидесяти семи лет, умерла неделю назад.

– Слышь, Федор, тормозни здесь, – неожиданно скомандовал Стас, пристально всматриваясь в окно «уазика». – Сделаю еще пару снимков, пока окончательно не стемнело.

– Да дык… – Водитель озадаченно поскреб пятерней непромытый затылок и недоуменно оглянулся на пассажиров. – Мы ж хотели до потемок в город попасть!

– Я тебе сверху пару сотен накину, идет?

– Ну, так это можно! Отчего бы и нет? – бодро провозгласил мужичок и остановил машину.

– Стас, мы уже достаточно сняли! – попыталась урезонить коллегу Ника. Ей хотелось как можно скорее выбраться из этого тоскливого места и попасть в районный городок, где были хоть какие-то признаки цивилизации: освещение на центральных улицах, гостиница, пусть и малокомфортная, но на фоне полуразвалившихся деревенских изб казавшаяся чуть ли не дворцом, вполне сносный ужин в гостиничном ресторане и, главное, горячая вода! Мечты о согревающем душе превалировали сейчас над всеми остальными желаниями.

– Ник, это займет минут пятнадцать, не больше. Для твоей же статьи пригодится, – проговорил Стас, в творческом нетерпении распахивая дверь и выпрыгивая на девственный снег.

Федор оглянулся на растерявшуюся девушку и развел руками:

– Пятнадцать минут можно и обождать.

– Пятнадцать минут в понимании Шатрова – это как минимум три часа, – процедила сквозь зубы Ника и решительно открыла дверь.

Ступив в глубокий снег, она поежилась от пронзительного февральского ветра и огляделась. Вокруг, если не считать заброшенного домишки и чернеющего вдали леса, ничего не было. Что могло заинтересовать тут фотографа?

– Ник, ты погляди! – окликнул ее Стас, словно прочитав мысли. – Отличная иллюстрация к твоей статье!

Оказывается, его вниманием завладел не дом – неприметельная копия уже встречавшихся им по пути, а полусгнивший сруб разрушенного колодца.

Ника приблизилась к срубу и без всякого интереса заглянула в черное колодезное нутро. Конечно, ничего она там не увидела и с еще большим недоумением в глазах развернулась к азартно пританцовывающему вокруг этой развалины коллеге.

Увлеченный работой, Шатров казался еще красивее, чем был на самом деле. В каждом его движении – настраивал

ли он камеру, прищуривался ли, выбирая новый ракурс, поправлял ли растрепанные ветром черные волосы – сквозила неприкрытая сексуальность, не картинная, как у позирующей модели, а естественная. «Красивый муж, чужой муж», – вспомнилась старая поговорка, и Нике не к месту подумалось о жене Стаса. Какая она, эта женщина? За Шатровым прочно укрепилась слава ловеласа, и вполне возможно, что его жена сейчас гадает: на самом ли деле муж отправился в командировку или остался у любовницы. Впрочем, какое Нике дело до любовных похождений редакционного фотографа? Он никогда ее не интересовал. Тем более у Шатрова появилась постоянная любовница – секретарша главного редактора, красавица и глупышка Лерочка. Впрочем, сейчас влюбленные, похоже, находились в затянувшейся ссоре: два последних дня секретарша пребывала в скверном настроении, и Ника даже один раз застала ее в слезах. И хоть о причине своей печали Лерочка предпочла умолчать, Ника догадалась, что плакала секретарша из-за Шатрова. Да и сам Стас отправился в командировку в мрачном расположении духа. Никогда Ника еще не видела Шатрова, относившегося к своим пассиям без особой привязанности, в такой хандре. Неужели глупышка Лерочка так его зацепила? «Шатров, что у вас там стряслось?» – не удержалась она тогда от бестактного, в общем-то, вопроса. «А какое тебе дело?» – вяло и вполне ожидаемо огрызнулся Стас. И Ника оставила его в покое: действительно, не ее это дело. К тому же вскоре Ша-

тров погрузился в работу и, кажется, немного отвлекся от своих личных переживаний: на него зрелище заброшенных деревень произвело совсем иное впечатление, нежели на Нику…

– Ну и на кой тебе сдались эти руины? – недовольно буркнула она, отходя от колодца и выразительно ежась. – Гнилой и уже давно не действующий. Унылое зрелище.

– Вот именно, «унылое»! Тебе такие фотографии и нужны, – отозвался Стас, с задором щелкая камерой. – Кажется, колодца у нас еще не было. Интересно, какой любитель уединения выстроил свою избушку вдали от деревень, практически в чистом поле?

Ника пожала плечами, закипая от внутреннего раздражения. Ей было все равно, кем и почему был построен этот дом. Судя по степени разрушенности, брошен он был уже очень давно.

– Слышь, Федор? – обратился Стас к вышедшему из машины водителю. – Сколько отсюда до ближайшей деревни?

– Пять-шесть километров, – ответил тот. – Деревня – Пустошь.

– Стас, ты долго еще? Я замерзла! И стемнеет скоро! – нетерпеливо встряла Ника, боясь, что разговор между водителем и фотографом затянется. Сейчас, на холодном ветру, мечта о горячем душе показалась ей в сто крат слаще.

– Всё, всё, – проворчал Шатров, с видимым сожалением зачехляя камеру. И, направившись к машине, беззлобно бро-

сил: – Ну ты и зануда!

Ника огрызаться не стала, молча забралась в остывший салон «уазика» и уткнулась в окно. Еще полтора-два часа тряски, и они прибудут в город. А завтра утром рейсовый автобус отвезет их со Стасом обратно в Москву. К сожалению, не удалось побеседовать с бабкой Акулиной, но зато впечатлений для статьи – хоть отбавляй… Но не успела Ника помечтать о том, как завтра к вечеру приедет домой, примет ванну и с чашкой ароматного чая усядется к компьютеру, как «уазик» подпрыгнул на ухабе, накренился и замер, пофыркивая и покряхтывая.

– Ё-мое! Неужто в снегу увязли? – Федор поддал газу, но машина лишь вхолостую вращала колесами и опасно кренилась набок. – И-эх, родимая… Давай!

– Стой! Мы так вообще закопаемся. Или, что еще хуже, перевернемся, – прикрикнул Стас на заматерившегося в нетерпении Федора и, открыв дверь, выскочил из машины. – Приехали…

Водитель прибавил еще одно непечатное словечко и тоже вышел наружу. Ника осталась в машине. Обеспокоенно вытягивая шею и всматриваясь в темноту за окном, она силилась увидеть, что делают мужчины. До ее слуха долетали обрывки перебранки и нецензурные слова.

– С нами же девушка! – громко выкрикнул Стас, и Ника, не вытерпев, открыла дверь.

– Что случилось?

– Застряли, – процедил Шатров и бросил сердитый взгляд на съежившегося водителя.

– И что делать? – строго спросила она, с трудом удерживаясь от едкого замечания, что если бы не желание Стаса сфотографировать гнилой колодец, они бы уже подъезжали к городу.

– Три варианта. Первый – отправиться за помощью, но это значит топать пять-шесть километров до ближайшей деревни, по темноте, через заснеженные поля. И не факт, что сейчас, на ночь глядя, кто-то согласится нам помочь. Второй вариант – переночевать в том старом домишке рядом с колодцем. Мы недалеко от него уехали. И третий, который предлагает Федор, – провести ночь в машине, а утром отправиться за помощью. Ты что выбираешь?

– Я выбираю гостиницу! – резко заметила Ника. Вариант с ночевкой в заброшенной избушке явно принадлежал Стасу – любителю сомнительной «экзотики».

– Ник, мы застряли конкретно, без помощи не обойтись! Но идти несколько километров ночью по снежной целине… Это уж ты меня извини. Разумней переночевать в доме, а утром отправиться на поиски того, кто вытащит нас из этой задницы!

Ей не понравился тон, каким Стас разговаривал с ней: предельно вежливо, произнося слова чуть ли не по слогам, но в то же время почти теряя терпение. Словно разъяснял упрямому ребенку, почему сейчас не может дать ему конфе-

ту. Видимо, опасался, что Ника вполне оправданно станет скандалить, обвинять его во всех грехах и требовать, чтобы он отправился за помощью.

– Если бы не твой колодец, мы бы уже были в городе!

– Мы могли бы запросто застрять и в другом месте! Сама видишь, какая погода и какие здесь дороги! – вспылил в ответ Стас. – И давай обойдемся без гавканья.

– Я не гавкаю!

– Вот и хорошо. Бери свою сумку и пошли к дому. Федор, вы идете с нами?

– Нет. – Мужичок торопливо перекрестился и, тараща глаза, страшным шепотом произнес: – Не нравится мне все это. Я вспомнил, что об этом месте говорят как о проклятом!

– Именно об этом месте? – чуть насмешливо переспросила Ника. Слова Федора ее не напугали, ситуация казалась слишком неестественной, киношной.

– Вроде все сходится: заброшенный дом на краю поля…

– Федор, тут заброшенных избушек – каждая вторая, если не первая! – с раздражением заметил Стас и настороженно оглянулся на Нику: видимо, забеспокоился, что она поверит в россказни деревенского мужика и наотрез откажется от ночевки в доме.

Похоже, слова фотографа заставили Федора усомниться в том, что именно это место считается «проклятым». Он растерянно оглянулся, вздохнул, но все же сдаваться так быстро не желал:

– Не советовал бы я вам ночевать здесь. Говорят, много лет назад тут происходили страшные вещи. Будто живший в этой…

– Федор! – резко перебил мужика Стас. – Бросьте ваши предрассудки! Если боитесь, оставайтесь в машине, а мы с Никой пойдем спать в дом.

С этими словами он вытащил из «уазика» обе сумки и решительно направился в сторону избы. Нике ничего не оставалось, как проглотить раздражение и двинуться следом за Шатровым.

Когда они отошли от машины уже на приличное расстояние, их окликнули:

– Стойте!

Оглянувшись, они увидели догоняющего их Федора.

– Я передумал! Лучше вместе быть, чем поодиночке.

– Вот это правильно! – громко одобрил Стас, и водитель похвалился:

– Я фонарь из машины прихватил, а еще спички и старые газеты. Вдруг в домишке печка какая сохранилась…

К их удивлению, проход к двери оказался расчищенным от снега, а сама дверь, хоть и казалась с виду прочно вросшей в порог, открылась довольно легко, будто ее недавно отворяли.

– Возможно, охотники тут останавливались, – высказал предположение водитель, и Стас не преминул отпустить шпильку в адрес деревенских предрассудков:

– Вот видите, Федор, не мы первые собираемся тут переночевать. А вы – «проклятое место, проклятое…» Забудьте!

Мужичок заметно приободрился и первым вошел в темное помещение.

На них дохнуло холодом и застоявшимся запахом сырости, гнилого дерева и еще чего-то неприятного, от чего Ника брезгливо сморщила нос. Не лучше ли было остаться в машине? Но Стас, взяв у Федора фонарь, уже приступил к осмотру дома.

– Не хоромы, но переночевать можно! – известил он, поднимая фонарь выше, чтобы и другие смогли увидеть помещение. Свет выхватил из темноты старый стол, стоящий посреди большой комнаты, сломанный стул, старинный буфет и печь, к которой немедля бросился Федор, но тут же и разочарованно протянул:

– Не получится растопить. Дров нет…

Ника лишь скривила в усмешке губы: ну что за наивность – ожидать, будто в давно пустующей избе кто-то заботливо оставит дрова, чтобы незадачливые путешественники могли переночевать в тепле. Но не успела она открыть рот, чтобы заявить о своем желании вернуться в машину, как Стас, отправившийся с фонарем исследовать вторую комнату, обрадованно закричал:

– Тут сохранилась кровать с матрасом! И при желании на ней могут поместиться двое. А еще я вижу шкаф… Ба! А в шкафу кое-что есть! Кажется, одеяла. В общем, устроиться

можно!

Ника направилась на голос и оказалась в маленькой комнатушке, в которой действительно стояла старинная металлическая кровать с голым матрасом. Шатров, поставив фонарь на пол и присев на корточки перед покосившимся шкафом, уже вытаскивал из него какое-то тряпье.

– Тулуп… Одеяло… Это не знаю что, на попону похоже…

Ника подцепила одеяло пальцами и брезгливо сморщилась. На ощупь оно показалось сырым. Или, может быть, просто холодным?

– Ника, давай без капризов. Другого выхода нет, нам придется остаться здесь до утра. Всего несколько часов, можно и потерпеть, – словно прочитал ее мысли Стас. В его голосе больше не было раздражения и нетерпения, напротив, он ласково уговаривал. И Ника почти сдалась:

– Может, лучше в машине? Там печка есть.

– Если мы останемся в «уазике» и включим печку, то посадим аккумулятор. И неизвестно, насколько тогда тут застрянем. А здесь, хоть и холодно, все равно теплее, чем на улице. Ветра, по крайней мере, нет. Закутаемся в тулупы и одеяло, прижмемся теснее друг к другу, так и проведем ночь. А утром или за помощью в деревню отправимся, или своими силами обойдемся. Главное, чтобы нового снега за ночь не намело.

– Эй, как вы тут? Я тоже кое-что нашел! – В комнату зашел Федор с зажженной свечой в руке. – В буфете запас све-

чек обнаружился!

– Отлично! За такую находку, Федор, выделяем тебе тулуп. И еще тряпья, его тут много. Мы с Никой устроимся спать на кровати, а тебе, как деревенскому жителю, постелем на печи, – засмеялся Стас.

Водитель поддержал шутку:

– И-ех, жаль, что печь не топлена!

Наспех перекусив купленными еще утром в городском кафе бутербродами и пирожками, они легли спать. Ника со Стасом – в маленькой комнатушке, Федор – в большой, на холодной печи.

Несмотря на изрядную усталость, Ника долго не могла уснуть. Ей было тесно вдвоем с Шатровым на узкой кровати, холодно, несмотря на кучу тряпья, которым они укрылись, и неудобно в верхней одежде. От дубленки Стаса пахло кожей, сладковатым одеколоном и чужим домом, и эта смесь запахов была незнакомой, неродной, раздражающей. Ника неуклюже повернулась к коллеге спиной и закрыла глаза. Из соседней комнаты доносился храп спящего Федора: тот, забыв про страхи, уснул мгновенно. Нике же, похоже, предстояло коротать ночь без сна. Попали в приключения…

Все началось с Эдички, вернее, с отрывков из его рукописи.

Эдуард был бывшим сокурсником Ники. Можно было обмануться невысоким ростом и субтильным телосложением

и принять Эдичку за подростка, однако дрябловатая, болезненной желтизны кожа с унылыми складками возле губ выдавала его истинный возраст. Непривлекательная внешность породила глобальные комплексы, и Эдуард избегал общения не только с девушками, но и с сокурсниками, преподавателями и уж тем более – с незнакомыми людьми. Многие недоумевали, почему он выбрал журфак – с его-то патологической стеснительностью и неумением кратко и емко излагать информацию. Учился Эдуард неплохо, но статьи у него не получались, а получались пронзительные, наполненные вселенской грустью стихи. И еще романы – фантастические, буйный мир которых был так не похож на нежный и ранимый внутренний мир автора. Эдичка куда уверенней чувствовал бы себя в литературной среде, чем в журналистике, но упрямо продолжал тянуть лямку выбранного факультета. Быть может, из-за Ники.

Была у Эдуарда, помимо неказистой внешности, еще одна беда: беспокойная, переходящая в нездоровую подвижность суетливость. Даже на лекциях он не мог усидеть на месте, без конца ерзал и подскакивал на стуле, а то принимался барабанить по столу нервными и длинными, как у пианиста, пальцами, что несказанно раздражало сокурсников. Мало кто хотел сидеть за одной партой с Эдичкой.

Однажды на втором курсе Ника случайно села с ним. И, видимо, потому, что ни разу за всю лекцию не шикнула на него и даже позволила ему пару раз заглянуть в свой кон-

спект, а после занятий попрощалась с вежливой улыбкой, Эдуард проникся к ней нежными чувствами. Он старался не надоедать Нике своими ухаживаниями, просто здоровался с ней, застенчиво улыбался, отчаянно краснея, и иногда провожал девушку от университета до метро. Поначалу такое ненавязчивое внимание немного раздражало Нику, но потом она привыкла к Эдичке. И хоть на курсе его считали странным из-за замкнутости, был он далеко не глупым молодым человеком, начитанным и эрудированным. Одним из увлечений Эдуарда было составление различных кроссвордов, литературных шарад и ребусов, которые охотно печатали в газетах и журналах.

Окончив университет, Эдичка не отправился работать по специальности, а засел дома – составлять кроссворды и писать свои фантастические романы. Как-то ему повезло, и один из его опусов в сокращенном виде был опубликован в известном толстом журнале. Но на этом везение и закончилось. Издательства сыпали отказами, ссылаясь то на заполненный портфель, то на неформатность рукописей. Но Эдичка не унывал и проявлял завидное упорство, надеясь когда-нибудь опубликовать свои сочинения.

С Никой они продолжали общаться и после окончания вуза. Девушка всегда была желанной гостьей в доме Эдуарда, его родители приняли ее как родную – похоже, надеялись, что когда-нибудь она выйдет замуж за их робкого и некрасивого сына. Но Ника любила совсем другого человека…

Четыре с половиной месяца назад Эдуард позвонил Нике и, поделившись, что начал очередной роман, возбужденно прокричал в телефонную трубку:

– Это будет «бомба»! Никак иначе! И, между прочим, сюжет будет построен на реальных событиях!

– Так это не фантастический роман? – спросила Ника скорей из вежливости, чем из искреннего интереса. Эдуард всегда, когда начинал работу над новой рукописью, громогласно объявлял, что выйдет шедевр.

– Нет. Это будет роман в ином жанре. Хоть и с невероятными, на первый взгляд, событиями. Но вся соль-то в том, что события – реальные!

– Задумал написать гламурный роман-скандал о шоу-бизнесе? – с иронией предположила Ника.

– Нет! Что ты! Не гламурный и не о шоу-бизнесе, но от этого не менее скандальный. Извини, сейчас не могу рассказать, но потом – обязательно.

После того разговора Эдуард пропал – увлекся рукописью. Ника тоже была занята, поэтому они даже не созванивались. И лишь спустя несколько месяцев приятель объявился. Помнится, в тот вечер Ника очень торопилась: накануне договорилась об интервью с модным писателем, за которым «охотилась» вот уже месяц. Автор нашумевшего бестселлера назначил встречу в очень неудобном для нее месте и предупредил, что для интервью может выделить лишь полчаса, поэтому Ника боялась опоздать. Но едва она выскочила из

редакции, как во дворе заметила знакомую, нервно подпрыгивающую на месте фигуру. «Как некстати», – с легким раздражением подумала она тогда, но приветливо улыбнулась старому другу:

– Привет, Эдуард! Меня ждешь?

Парень подскочил на месте, будто от неожиданности, хотя на самом деле видел, что Ника к нему приближается, и привычно засуетился:

– Нет… Да. Только ты не подумай… Я вот… Если тебе не помешал…

– Эдуард! – строго перебила Ника, уже по опыту зная, что, прежде чем начать разговор, приятель будет долго и нудно расшаркиваться в извинениях, мямлить и заикаться.

– Я с тобой поговорить хотел, – наконец выдал Эдичка и, густо покраснев, добавил: – О моем последнем романе.

Ника еле сдержала вздох досады: подобные разговоры могут длиться часами. Причем говорить будет Эдичка, а ей придется довольствоваться междометиями, поспешно втиснутыми в узкие паузы между его фразами.

– Эдуард, извини, у меня сейчас совсем нет времени. Опаздываю на важное интервью. Может быть, в другой раз?

Он сразу как-то сник, занервничал еще больше и, чтобы скрыть свое разочарование, улыбнулся, но улыбка вышла жалкой.

– Да, да, конечно. В другой день. Я должен был позвонить тебе заранее, чтобы…

– Так ты закончил рукопись?

– Да, но понимаешь… – Он замялся и нервно оглянулся по сторонам, будто проверяя, не подслушивает ли их кто. – Я ее уничтожил.

– Почему?!

– Об этом я и хотел поговорить, но это долгий разговор. Мне нужно будет тебе кое-что рассказать.

– Мы можем поговорить завтра! – предложила Ника. И Эдуард обрадованно согласился.

Он проводил ее до метро. По дороге они больше не заговаривали о рукописи; Эдичка расспрашивал Нику о тех незначительных событиях, что произошли в ее жизни за те три месяца, когда они не виделись, но было заметно, что слушал он рассеянно, будто продолжал думать о чем-то своем. Еще Нике показалось, будто был Эдуард чем-то сильно встревожен, если не сказать напуган. И вот когда они попрощались, он, будто внезапно решившись, окликнул ее:

– Ника, подожди! Вот, возьми! – Он вытащил из-за пазухи сложенный вдвое конверт формата А4 и протянул ей. – Я уничтожил рукопись, но кое-что оставил. Здесь немного. Остальное тебе потом отдам. Завтра встретимся, и я все объясню. Хорошо?

– Ладно, – согласилась Ника. – До завтра!

Но на следующий день они так и не встретились, потому что Эдичка неожиданно умер. Как сказали врачи – от сердечной недостаточности.

В пакете, который он успел передать Нике, оказалось всего три листа с отрывками из романа – настолько короткими и мало связанными между собой, что понять замысел автора не представлялось возможным. На полях одного из листов неровным Эдичкиным почерком был написан адрес некой Акулины Васильевны: N-ская область, деревня Лески. И рядом стояло три восклицательных знака, обведенные неровным кругом. «Я долго собирал материал», – вспомнилось позже Нике, и она подумала, что часть задуманного Эдичкой романа, возможно, была построена на рассказах неизвестной Акулины Васильевны. Девушка решила, что при первой возможности съездит в деревню Лески и побеседует с этой женщиной. Видимо, так хотел Эдичка, иначе зачем написал на полях ее адрес? Но прошло полтора месяца, прежде чем Ника нашла время и возможность отправиться в Лески. И, к сожалению, опоздала.

…Засыпая, она услышала, как Стас завозился и встал.

– Ты куда? – не открывая глаз, в полудреме поинтересовалась Ника.

– Спи, спи. Я сейчас.

Чуть позже раздалось клацанье кнопок мобильного телефона, и Стас громким отчаянным шепотом попросил:

– Лерка, ну возьми же трубку!

Уже погружаясь в тревожный, наполненный неприятными обрывочными видениями сон, Ника услышала, как Ша-

тров выругался в адрес Федора, который куда-то подевал фонарь.

Ранним утром Нику разбудил вопль. Она испуганно открыла глаза. Стаса рядом не было, а из другой комнаты доносились завывания. Ника вскочила и, путаясь в тряпье, которым укрывалась ночью, выбежала на голос.

Прямо на полу, обхватив руками взлохмаченную голову, сидел Федор и громко, по-бабьи визгливо причитал.

– Федор… – начала Ника и тут же осеклась, увидев Стаса. Тот лежал на полу навзничь, широко раскинув руки и устремив невидящий взгляд в потолок. Рядом валялся фотоаппарат, с которым Шатров практически никогда не расставался, и выпавшая из мертвого кулака толстая оплавленная свеча. Но больше всего Нику поразило то, что его великолепные смоляные волосы на висках побелели, словно покрылись густым инеем.

II

Как бы Нике ни хотелось поскорей попасть домой, ей пришлось задержаться в районном городке еще на ночь: когда закончились все неприятные беседы с местной полицией, выяснилось, что на Москву уже нет рейсов и ближайший автобус отправится только утром.

Уснуть она не смогла и всю ночь проплакала от страха и от жалости к Стасу и к самой себе, брошенной одной в этой страшной глуши. И едва забрезжил серый, словно покрытый толстым слоем пыли рассвет, торопливо собралась и почти бегом кинулась на вокзал.

В Москву Ника прибыла лишь к вечеру. Шагнув на грязный, но после всех приключений показавшийся самым родным и прекрасным на свете асфальт столичного автовокзала, она достала мобильный и набрала номер подруги.

– Оль, ты дома? Я к тебе приеду. Скоро. Можно?

Ольга ожидаемо ответила, что да, конечно, и, встревоженная ее расстроенным голосом, поинтересовалась, что случилось.

– Потом расскажу. – Ника не стала вдаваться в подробности по телефону, спрятала мобильник в сумку и направилась в сторону метро.

Дома у Ольги было как всегда тепло и уютно. И сама хозяйка, румяная и аппетитная, как свежеиспеченная булочка,

хлопотала на кухне, легко, словно играючи, замешивая тесто для пирожков. Ника с долей зависти наблюдала за ловкими движениями Олиных рук, с сожалением признавая, что она, Ника, совершенно не приспособлена к ведению хозяйства. Печь она так и не научилась, как ни пробовала.

– Скоро будут готовы, – Ольга поставила противень с пирогами в духовку и достала из холодильника пакет с молоком. – Потерпишь?

Ника хотела возразить, что она не голодная и пришла сюда не ради пирожков, но вместо этого молча кивнула. Подруга задержала на ней сочувственный взгляд, но не стала задавать вопросов. Все вопросы были уже заданы.

– Может, тебе пока чаю налить?

Ника покачала головой. Она уже выпила две чашки, когда, захлебываясь словами и слезами, глотая окончания фраз, сбивчиво рассказывала подруге о своих злоключениях.

– Оставайся у нас, – уже в третий раз за вечер предложила Ольга. – Володя на дежурстве, Дарья спит. Куда ты ночью поедешь? И что будешь делать дома одна? Предаваться грустным мыслям и страхам?

Ника вместо ответа благодарно улыбнулась. В доме близкой подруги ее всегда встречали как родную. Так было и раньше, когда девушки были еще школьницами, так было и сейчас, когда подружка вышла замуж и переехала к мужу. Видимо, все дело было в особом уюте домашней обстановки, который вначале создавала Олина мама, а теперь – сама

Ольга.

– Володя твой придет с дежурства уставший, а тут я – нежданная гостья… – привела слабый довод Ника, уже зная, что ей на это ответят.

– Когда это Вовка считал тебя «нежданной гостьей»? Наоборот, когда ты не приходишь, спрашивает, что случилось и где ты!

Ника лишь улыбнулась. Между ней и мужем подруги сложились особые, «шефско-отеческие», как их называла Ольга, отношения.

– И все по-прежнему мечтает меня откормить? – спросила Ника. Это была давняя шутка, превратившаяся в традицию. Владимир частенько беззлобно подшучивал над ее мальчишеской худобой и, поглаживая себя по наметившемуся с возрастом (он был старше девушек на одиннадцать лет) животу, приглашал Нику приходить в гости чаще – откармливаться на пирогах. В ответ она парировала, что пироги, конечно, с удовольствием съест, но вот беда – не в коня корм. И что лучше она накопит денег и однажды обратится в Володину клинику, где тот работал пластическим хирургом, «нарастить телеса» искусственным путем.

– Ты скажи своему мужу, что, пока он не оставит эту бесполезную идею – закормить меня до ожирения, которое мне не грозит, – я буду приходить к вам не часто. Кстати, в следующем номере выйдет моя статья о пластической хирургии, в которую я включила интервью с Володей. Передашь ему?

– Передам, – улыбнулась Оля, но, услышав из комнаты хныканье трехлетней дочери, нахмурилась. – Дарья проснулась. Ник, последи за пирогами. Если я минут через пятнадцать не вернусь, выключи духовку, ладно?

Ника кивнула, а когда подруга вышла с кухни, прислонилась затылком к стене и прикрыла глаза. Ей не хотелось думать о Стасе, но мысли, дождавшиеся ее одиночества, накинулись сейчас, будто волки на раненую и измотанную жертву. И Ника, безропотно отдавшись им на растерзание, словно перенеслась из знакомой, пахнущей выпечкой кухни в другое помещение – чужое, стылое, страшное произошедшим в нем несчастьем. Почему Стас умер? Он не должен был умирать. Он не должен был лежать там, в этом брошенном доме на промерзлом полу, нелепо раскинув руки и запрокинув искаженное ужасом лицо к подгнившему потолку. Отчего он умер? Этого не смогли сказать ни местный фельдшер, приглашенный засвидетельствовать факт смерти, ни единственный на три деревни полицейский. На теле Стаса не было никаких повреждений. Он будто умер… от страха. Что он мог увидеть такое, что напугало его до смерти – в буквальном смысле слова?

Так же умер и Эдичка. На его лице тоже застыла маска ужаса. В медицинском заключении причиной смерти значилась сердечная недостаточность, но Эдуард, несмотря на тщедушное телосложение, излишнюю нервозность и хронический насморк, был здоров. По крайней мере, никогда не

жаловался на сердце.

Стас тоже был молодым здоровым мужчиной, куда здоровей и крепче Эдички… И если впечатлительного Эдуарда можно было сильно напугать, то циничного Шатрова – вряд ли. Ника вздрогнула и открыла глаза. Она еще долго будет вспоминать его лицо, обезображенное смертью и ужасом.

Спохватившись, Ника бросила взгляд на часы и выключила духовку. Из комнаты доносились голоса: тонкий картавый Дашкин и Ольгин – уговаривающий, ласковый, наполненный любовью. Дарья ни в какую не хотела засыпать без сказки.

«Никчемное и бесполезное ты существо, Ника: ни семьи, ни ребенка… Был единственный преданный поклонник Эдичка, да и тот умер. А как утешительный приз осталась бестолковая, как и ты сама, безответная любовь, скорее похожая на первую влюбленность девочки-подростка с комплексами, чем на любовь двадцативосьмилетней женщины».

Вздохнув, Ника поднялась и вышла из кухни. Заглянув в детскую комнату, она увидела, что Ольга сидит рядом с Дашиной кроваткой и читает дочери книжку.

– Ник, я еще минут десять-пятнадцать. Если не трудно, вытащи пироги из печи и накрой противень фольгой. Минут через пять можешь начинать пировать, я к тебе присоединюсь, как только уснет Дарья.

– Я тебя дождусь, – пообещала Ника и вышла из комнаты. В коридоре она взяла свою сумочку и зашла в ванную, чтобы привести себя в порядок.

После умывания прохладной водой лицо немного посвежело, но все равно выглядело очень уставшим. Может, и правда принять приглашение Ольги и остаться у нее на ночь? Но так ничего не решив, Ника вернулась на кухню. Вытаскивая пироги из духовки, она ожидаемо обожгла палец.

– Как всегда, неловкая… – Отдернув руку от горячего противня, она сунула обожженный палец в рот и в ожидании подруги вновь села за стол.

Ольгу пришлось ждать долго: видимо, Даша все никак не хотела засыпать. Зато в сон стало клонить Нику, убаюканную домашним спокойствием теплой кухни, аппетитным запахом свежих пирогов и наконец-то пришедшим осознанием, что она уже дома, в Москве. Она поморгала и даже потрясла головой, силясь прогнать сонное состояние, но очертания предметов кухонной обстановки постепенно стали расплываться и словно заволакиваться дымкой. И вот Ника видит уже не плиту и настенные шкафчики, а заснеженное поле и себя со спины – бегущую куда-то через это поле. С трудом выдергивая ноги из снега, она пытается от чего-то убежать или, наоборот, куда-то успеть. На ней нелепая одежда: не куртка, не шуба, а нечто похожее на старый деревенский тулуп, подпоясанный к тому же веревкой. Один раз Ника спотыкается и падает. И так явно чувствует холод в руках, словно ее ладони и в самом деле погружаются в снег. Но она тут же вскакивает и снова, спотыкаясь, бежит куда-то в начавшую подергиваться сумерками даль. Ника не слышит свое-

го голоса, но знает, что кричит – с надрывом, отчаянно, без надежды быть услышанной. Ее короткие рыжие волосы растрепались от бега и ветра, а веревка, подпоясывающая «тулуп», развязалась и волочится по снегу. И в голове пульсирует лишь одна мысль: «Убежать!» Убежать от этого страшного места, от выпущенной на свободу смерти. На ходу она оглядывается, будто желая проверить, не преследует ли ее кто. Но это уже не она, а растерянный, перепуганный мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, чем-то напоминающий ее саму: такой же рыжий, с худым скуластым лицом и россыпью бледных веснушек на носу. Только глаза у мальчишки не зеленые, как у Ники, а светло-карие, белесыми ресницами и испуганным выражением напоминающие кроличьи.

Наконец мальчик останавливается – резко, будто наткнувшись на невидимую стену. Неуверенно подняв руку, он трогает воздух перед собой и тут же со смиренным обречением опускает руку.

«Ника…» – Словно услышав свое имя, мальчишка резко оборачивается…

– Ника, Ника!

Она почувствовала, что ее тормошат за плечо, открыла глаза и увидела перед собой Ольгу. Выражение лица подруги было встревоженным. Ника, хмурясь со сна, поморгала и подняла вопросительно брови.

– Ты уснула… – Ольга сделала паузу и тоже нахмурилась. – И закричала во сне. Я испугалась и…

– Закричала? Надо же… Я разбудила Дашу?

– Нет.

– Хорошо, – ответила она и, морщась, словно от головной боли, потерла пальцами виски. Приснившийся мальчик был персонажем из рукописи Эдички, и Ника будто в него перевоплотилась. И хоть в тех отрывках, которые у нее были, Эдуард не дал подробного описания героя, Нике казалось, что приятель списал бы его внешность с нее. Просто в каждом его романе один из персонажей обязательно походил внешностью на Нику.

– Ну, как, решила остаться у нас? – вклинился в ее мысли голос Оли.

– Не знаю. Скорей всего нет. – Она подумала, что неплохо было бы дома еще раз перечитать отрывки.

– Вот поедим пирогов, тогда, может, и передумаешь, – с надеждой произнесла Ольга и, отвернувшись к плите, добавила: – Брат позвонил. Сказал, что скоро приедет.

– Андрей? – встрепенулась Ника. Вот черт, не ожидала… Не ожидала, что в груди обожжет так сильно и знакомо лишь только при одном упоминании об Андрее. – Я… Я пойду.

– Куда? – развернулась Ольга и недоуменно посмотрела на неожиданно засуетившуюся подругу. – Куда ты пойдешь?

– Домой. Куда же еще? – улыбнулась Ника, постаравшись, чтобы ее слова и поведение выглядели естественно, не выдали нервозности. Но улыбка вышла натянутой и жалкой.

– Вот поешь пирогов, тогда и топай, куда хочешь. Я по-

прошу Андрея, чтобы он отвез тебя.

– Нет, нет, не надо, – замотала головой Ника. И Ольга посмотрела на нее с еще бóльшим недоумением.

– Ник, тебя что, напугал визит Андрюхи?

– Нет, нет, конечно. При чем тут он… – неестественно засмеялась она и села обратно за стол. Ольга снова подозрительно покосилась на нее и отвернулась к плите.

– Хорошо, что я пироги затеяла! И тебя накормлю, и Андрея! Лилька вряд ли ему печет. Подождем его, а?

Ника рассеянно кивнула. Ольга, выкладывая пироги в большую миску, продолжала что-то оживленно рассказывать – уже не про Андрея, про дочь. Ника слушала ее вполуха, задумчиво обводя пальцем рисунок на скатерти. Закорючки, незамкнутые кривые… Вот такая и ее жизнь – крючочки и рваные линии каких-то малюсеньких событий на однотонном полотне повседневности. И таким же незамысловатым зигзагом на короткий, как вспышка молнии, момент иногда в ее жизни появляется Андрей.

Когда они виделись в последний раз? Еще в августе, на Володин день рождения, когда большой «семейной» компанией выезжали за город на шашлыки. Андрей, конечно, был с Лилей и с Никой перекинулся лишь парой вежливых фраз. С тех пор они не виделись, даже на Новый год, потому что Андрей праздновал его в подмосковном пансионате.

– Ты меня не слушаешь?

Мягкий голос подруги вернул в реальность, Ника сморг-

нула и, покраснев, виновато улыбнулась:

– Прости…

– Ты выглядишь очень уставшей и расстроенной.

– Немудрено, – пробормотала Ника, намекая на свои приключения.

– Ладно, раз не хочешь оставаться, тогда пусть уж Андрей отвезет тебя. Я попрошу его, даже если ты и возражаешь!

Ника обреченно кивнула в ответ и почти равнодушно подумала, что было бы лучше, если бы она ушла раньше, до того, как приедет Андрей. Не хотелось, чтобы он видел ее такой: взъерошенной, без косметики на уставшем невыразительном лице, в старых джинсах и еще более старом растянутом свитере. Да впрочем, какая разница. Для Андрея она останется незаметной хоть в протертых джинсах, хоть в шикарном вечернем платье. Лишь для нее их встречи не проходят безболезненно и «реабилитационный период» потом растягивается на неопределенные сроки. Рецидивы, твою мать, этой застарелой, безнадежно въевшейся в сердце любви, с самого начала обреченной на невзаимность.

Брат Ольги приехал минут через десять. Он вошел в кухню, и вместе с ним ворвался свежий запах вкусного морозного воздуха. Коротко стриженные русые волосы Андрея, его раскрасневшиеся щеки, обветренная кожа рук, свитер и брюки были пропитаны этим волнующим запахом, который, смешавшись с ароматом выпечки, придал еще больше уюта небольшой кухне. И эта смесь запахов вызвала у Ники при-

ступ болезненной ностальгии по тем временам, когда ее надежды и мечты еще не казались несбыточными.

– Привет, Рыжик! – бодро, как всегда, поприветствовал он Нику и даже в шутку взъерошил ей волосы.

– Привет, – кисло улыбнулась она в ответ и покраснела. О, как она ненавидела себя за этот румянец, так предательски выдававший каждый раз ее волнение и заставляющий ее чувствовать себя в обществе Андрея робкой школьницей, а не молодой женщиной!

– Как успехи у борца за правду?

Этот вопрос он задавал ей каждый раз при встрече. И Нике каждый раз в нем слышалась ирония. Вот если бы она писала о политике и вела бы репортажи из «горячих точек», тогда бы, наверное, в глазах Андрея ее профессия имела куда больший вес.

– Нормально, – уклончиво ответила она и опустила взгляд на досконально изученный узор на скатерти.

– Да где уж нормально! – возразила Ольга. И прежде чем Ника успела что-либо произнести, выпалила: – Ника в такие приключения попала! Перенервничала – дай боже. До сих пор не отошла.

Андрей, который в это время брал из миски пирог, так и замер с протянутой рукой.

– А что случилось? – игнорируя сестру, он обратился именно к Нике. Серьезно, без иронии, встревоженно хмурясь и внимательно глядя ей в глаза. И от этого его взгля-

да голубых, как у Ольги, глаз и заботливой тревоги в голосе Нике захотелось расплакаться. Короткое счастье замерзшего и голодного щенка, которого сердобольный прохожий сочувственно погладил по спинке. Но… прохожий, поумилявшись и поцокав языком, вскоре уйдет, уже через минуту забыв о рыжем смешном щенке, в маленьком сердечке которого ненадолго поселилась надежда. Ника отдавала себе отчет в том, что Андрей никогда не полюбит ее – угловатую, неловкую, и правда порой напоминающую неуклюжего рыжего щенка. И старалась не строить иллюзий. Хоть это и было тяжело.

– Ох, рассказывать долго… – Так как Ника молчала, за нее ответила Ольга.

– А я не тороплюсь, – усмехнулся Андрей и обеими ладонями придвинул к себе кружку с молоком. Ника задержала взгляд на его пальцах – с обветренной грубой кожей и коротко обстриженными ногтями, с обручальной полоской золота на безымянном пальце – на секунду, и тут же опустила глаза. Единственный мужчина – такой родной и близкий и в то же время очень далекий, чужой.

Ольга немедленно принялась пересказывать брату все услышанное от подруги. Ника продолжала молчать, не перебивая Ольгу, не дополняя ее рассказ.

– Лихо! – удивленно присвистнул Андрей, дослушав рассказ сестры, и повернулся к Нике, будто ожидая от нее дополнений. Но она быстро отвела взгляд и, посмотрев на ча-

сы, поспешно произнесла:

– Мне пора домой.

– Андрей, отвезешь Нику? – попросила Ольга брата, и тот великодушно ответил:

– О чем речь! Конечно.

Квартира, оставленная ей родителями, показалась как никогда огромной и пустой. Привыкшая к одиночеству и тишине, Ника сейчас подумала о том, что, пожалуй, была бы рада присутствию родителей. Но те уже второй год жили в Америке: отцу по работе предложили выгодный контракт. Ника же наотрез отказалась уезжать, хоть родители и звали ее с собой.

Включив музыкальный центр, она неприкаянно бродила из комнаты в комнату, машинально перекладывая с места на место мелкие предметы в виде компакт-дисков, журналов, пультов от телевизора и музыкального центра. Первоначальное желание сразу по возвращении домой взяться за перечитывание Эдичкиного шедевра растворилось в кисло-сладкой грусти, разбуженной встречей с Андреем.

Всю дорогу в машине Ника промолчала, упрямо отвернувшись к окну и страдая от своей неразговорчивости. Андрей, утомленный рабочим днем, тоже отмалчивался. Тишину в машине нарушали лишь иностранные баллады, тихо льющиеся из автомагнитолы. Вслушиваясь в знакомые песни, Ника с легкой грустью думала, что им с Андреем нра-

вится одинаковая музыка. И вздрогнула, когда неожиданно (а может, и ожидаемо) зазвучала песня Duran Duran «Como Undone». «Ты помнишь?..» – чуть не спросила она, поддавшись порыву, у Андрея, но вовремя остановилась. Нет, вряд ли он помнит. У него эта баллада не ассоциируется с вечером, который для нее стал поистине волшебным.

…В тот год, когда Ника с Ольгой оканчивали школу, Андрей переходил на последний курс военного училища. Учился он не в Москве и домой приезжал лишь на каникулы. С Никой за эти четыре года его учебы в училище они виделись раза три, и то мельком. Она всегда немного робела перед старшим братом своей подруги. На выпускной вечер сестры Андрею удалось приехать, хоть каникулы у него еще не начались. Он досрочно сдал экзамен, а до следующего еще было время, и его отпустили на три дня в Москву на торжество. Приезд брата оказался приятным сюрпризом для взволнованной Ольги. И для Ники тоже. Она не сразу узнала в высоком статном парне в военной форме, вошедшем в актовый зал, где начиналась церемония вручения аттестатов, брата своей близкой подруги. И только когда Ольга дернула ее за рукав нарядного платья и восторженно прошептала: «Смотри, какой Андрюшка у нас красавец!» – повернула голову и… залилась краской.

Всю церемонию Ника пробыла словно во сне и даже прослушала свою фамилию. И лишь когда одноклассники со всех сторон зашикали на нее, очнулась и обнаружила, что

внимание зала приковано к ней. С пунцовыми щеками и на деревянных ногах Ника под добродушный смех публики вышла за аттестатом, чувствуя себя так неловко, словно ее прилюдно раздели. Она не слышала напутственных слов директрисы, все ее мысли были заняты Андреем, который сидел в этом зале в толпе родственников и видел ее. И, может быть, улыбался, наблюдая, как ей вручают аттестат, и вместе со всеми хлопал в ладоши, поздравляя ее.

А потом была дискотека. Разогретые первым легализованным родителями спиртным одноклассники и одноклассницы залихватски отплясывали под хиты того времени и целовались по углам и во время медленных танцев. Нику тоже приглашали танцевать, но она отказывалась. Ей хотелось найти Ольгу, которая куда-то исчезла, и спросить… Спросить хоть что-нибудь об Андрее. Или просто помолчать в компании такой близкой и родной подруги, которая бы правильно поняла ее молчание и неожиданно возникшую тоску и ни о чем не стала бы расспрашивать. Но Оля куда-то пропала. Ника металась по залу среди танцующих однокашников, ходила по пустынным школьным коридорам, заглядывала в кабинеты, двери в которые не были заперты. И, устав от безуспешных поисков, уселась на подоконник на лестничной площадке между этажами и чуть не заплакала от одиночества, показавшегося особенно острым на фоне дискотечного шума, доносящегося до этого укромного уголка приглушенной волной.

Андрей сам нашел ее.

– Вот ты где! И что ты тут делаешь? У тебя же праздник!

Ника молча пожала плечами, не зная, что сказать.

– Мы тебя потеряли, и Ольга снарядила меня на поиски.

– Я тоже искала… Ольгу, – невнятно пробормотала Ника, с трудом справляясь с волнением.

Андрей почему-то засмеялся. А затем позвал:

– Пойдем лучше потанцуем.

Не дожидаясь ответа, он взял Нику за руку и повел в полутемный зал, где проходила дискотека.

«*…Моя безупречная мечта обрела жизнь и оболочку. Я ждал тебя…*» – интимно нашептывал солист Duran Duran.

– Знаешь, а я тебя… люблю, – пролепетала, тая от сладкого голоса певца, Ника.

– Любишь? – недоверчиво засмеялся Андрей.

– Да. Как… Как брата, – спохватившись, поправилась она. И покраснела. Хорошо, что Андрей не увидел в темноте ее пунцовых щек.

– А-а, ясно, – без всякого выражения протянул он. И крепче прижал к себе обомлевшую от счастья Нику.

«…Неужели ты не можешь сделать так, чтобы все не расходилось по швам?.. Неужели я верю, что ты разбиваешь мое сердце на части?..»

– Мне нравится эта песня. А… можно я тебе буду писать?

– Можно, – усмехнулся Андрей и весело добавил: – Почему же нельзя?..

«…Это займет некоторое время и, возможно, отчасти будет преступлением, если я сейчас потерплю поражение…» – звучало на английском в тот вечер.

«…Мы постараемся не замечать ни надежду, ни страх…» – слышалось сегодня у Андрея в машине.

«…Кто тебе нужен, кого ты любишь, когда ты терпишь поражение?..» – раздавалось сейчас в Никиной квартире.

Она и правда писала ему в течение года после своего выпускного. И он исправно отвечал ей. Только напрасно Ника гадала, как на ромашке, на фразах из писем Андрея, любит ли он ее, и отыскивала скрытый между строк *другой* смысл его писем. Напрасно. Андрей, окончив через год училище, вернулся в Москву вместе со своей будущей женой…

От воспоминаний стало горько, как после полынной настойки. Ника прекратила бессмысленное кружение по квартире, выключила музыку и вытащила из ящика письменного стола конверт. Испытанное противоядие от непрошенных мыслей – работа. Статьей она займется завтра, а сейчас стоит перечитать, как и хотела изначально, рукопись Эдички.

Захватив конверт с собой, Ника отправилась на кухню, включила электрический чайник и бросила в чашку чайный пакетик. В ожидании, когда закипит вода, взяла первый лист, тот, на котором был написан адрес Акулины.

«… – Не бойся…

Голос стал более различимым. Мальчик приоткрыл гла-

за и увидел старца, лицо которого было настолько испещрено морщинами, что напоминало высохшую кору многовекового пня. Однако пальцы старика, ощупывающие мальчика, оказались ловкими и живыми, будто у молодого. От них исходило приятное успокаивающее тепло, и мальчик, доверившись их бережным прикосновениям, закрыл глаза.

– Жив-то, и ладно, а остальное поправим, – приговаривал старик, укутывая замерзшее тело ребенка в какое-то тряпье. – Обмерз… Сколько же ты в снегу пролежал?

Мальчик почувствовал, что его подхватили и куда-то понесли. Руки у деда, как и пальцы, оказались сильными и молодыми.

По дороге старик бормотал себе под нос, гадая, каким образом мальчуган мог оказаться в безлюдном месте, на окраине леса, в сугробе. Мальчику хотелось рассказать, что его выгнала из дома мачеха, что шел он в город, но в пути сбился с дороги, проголодался и замерз; но он оказался настолько обессиленным, что не смог издать ни звука. Сквозь полуприкрытые веки он видел холодные звезды, казавшиеся на черном бархате ночного неба крупными серебряными монетами, а половинка месяца напоминала желанную горбушку хлеба. Это были последние мысли мальчика перед тем, как он вновь ушел в глубокое и долгое забытье. И уже не видел, как старик внес его в избу, одиноко стоявшую на краю заснеженного поля.

Болел мальчик тяжело и долго, но старик выхаживал

его: отпаивал отварами трав, от которых по помещению разносился пряный дух, оборачивал истощенное тело тряпками, пропитанными настойками, и, накладывая сухие и прохладные ладони на горячий лоб ребенка, бормотал под нос слова заговоров.

Зима сменилась весной, мальчик окончательно поправился, но не ушел от старика. И пусть тот был строг с ним и за небольшие провинности сурово наказывал, мальчик не собирался покидать своего спасителя. И в качестве благодарности помогал ему вести нехитрое хозяйство.

Жил старик затворнически, людского общества избегал, сделал исключение лишь для «найденыша», как он называл мальчика. Но иногда в дверь избы раздавался стук – это приходили жители окрестных деревень просить помощи. Об отшельнике ходила слава знахаря, и с любыми недомоганиями обращались к нему. Старик никому не отказывал, молча собирал в котомку мешочки с сушеными травами и пузырьки с настойками и шел к больному. За помощь ему щедро платили – хлебом, молоком, яйцами, овощами. Тем он и жил.

Если не считать визитов к больным, старик почти не отлучался из дому. Только собирать травы, да иногда, в полнолуние, куда-то уходил в ночь. Возвращался он на рассвете и как будто помолодевший, с живым блеском в выцветших глазах. И весь следующий день после ночной отлучки старик был добр с найденышем, хоть и не особо раз-

говорчив. Однажды мальчик, воспользовавшись тем, что его благодетель пребывал в наилучшем расположении духа, робко поинтересовался, куда и зачем уходит тот по ночам. «За травами! – последовал незамедлительный ответ. – Некоторые требуется собирать только в полнолуние. Лишь при таких условиях их лечебная сила раскрывается полностью». Ответ удовлетворил мальчика, и больше с расспросами он не приставал.

– Жрешь ты на халяву, – заметил как-то старик за нехитрым обедом из отварного картофеля, лука и хлеба. И так посмотрел на найденыша, что тот невольно опустил руку, так и не донеся кусок хлеба до рта. – Помощи мне от тебя мало.

Острый взгляд старца сердито сверлил мальчика, и тот не посмел возразить, лишь покорно понурил голову, разглядывая свои руки – в цыпках от грубой домашней работы.

– Парень ты неглупый. Обучу тебя кое-чему. Вот и будет мне от тебя польза.

– Целительство! Вы обучите меня целительству? – обрадованно вскрикнул мальчик, поднимая на старика сияющие глаза.

– Но-но, – остудил его пыл старик. – Мал ты еще для этого. Да и безграмотен. Для целительства нужно много знаний и сил.

– Я буду стараться. Вот увидите!

Мальчик будто в мольбе сложил руки перед грудью, но

старик, пожевав губами, сухо обронил:

– Поглядим.

Когда наступило лето, старик стал брать мальчика с собой собирать травы. Он обучал не только распознавать их, но и рассказывал, от какого недуга какую следует употребить. Показывал, как правильно сушить, как готовить настои и отвары. Мальчик запоминал все с лету, вскоре мог определять любую траву и безошибочно рассказывать, что и как ею лечится. Ему очень хотелось, чтобы старик был доволен им, чтобы похвалил и сказал, что из него выйдет неплохой лекарь. Но старик был скуп на похвалу. И даже, когда однажды мальчик попробовал сделать свой собственный сбор, отругал его за торопливость.

Так прошел год. Мальчик, познавший науку трав, все еще продолжал выполнять лишь «черновую» работу, которую ему доверил старик: собирал травы, сушил их, делал сборы и настойки. О дальнейшем обучении он не заикался, выжидал удобного момента. И однажды, когда старец, вернувшись из очередной ночной отлучки, пребывал в хорошем расположении духа, напомнил о своем желании узнать больше о целительстве.

– Помню, помню, – ворчливо отозвался тот, мрачнея на глазах. – Похвально, что решения своего ты не изменил. Да вот справишься ли…

– А что тут не справиться, – беззаботно отозвался мальчик. – Ежели я буду стараться!

– Одного старания мало, – резко ответил старик и вновь погрузился в тяжелое молчание, о чем-то размышляя. – Вот что, скажу тебе так, – ответил он мальчику после долгой паузы. – Подумай хорошо, надобно ли тебе это. Уж коли решишь пойти по этому пути, назад ходу не будет. А дорога непроста, и, боюсь, ко многим вещам, которые тебе встретятся, ты не готов. Дело это хоть и благородное, счастья тебе оно не принесет. Ты видишь лишь одну его сторону, светлую, а есть и темная. Готов ли ты ее принять?

Мальчик про себя удивился, не понимая, что темного может быть в таком святом деле, как лечение больных, но вслух ничего не сказал. Лишь кивнул утвердительно.

– Хорошо, – решился старик. – Возьмусь за твое обучение. Будешь с умом внимать да язык за зубами держать, глядишь, и догонишь меня.

– Вас – вряд ли, – польстил старику мальчик. И искренне выдохнул: – Вы – лекарь от бога!

– От бога ли? – произнес старик с такой усмешкой, что мальчику стало не по себе. Он даже зябко поежился от холодка, прокатившегося вдоль позвонков. Но старик, стерев с лица усмешку, уже улыбался, так ласково, как никогда.

– Значит, не отступишься?

– Не отступлюсь, – уверенно ответил мальчик…»

Она дочитала текст до конца, и одновременно с этим щелкнула клавиша автоматически выключившегося чайни-

ка. Ника поднялась, плеснула в чашку кипятка, добавила сахара и, сев обратно за стол, задумчиво уставилась на дочитанный отрывок. Занятная история, но она ровным счетом ничего не объясняла. Действие происходило не в наше время, но определить его более точно не представлялось возможным. Недавно? В прошлом веке? Или вообще в древности? Эдичка, к сожалению, не оставил никаких зацепок. Ника задумчиво сделала несколько маленьких глотков из чашки, после чего придвинула к себе непрочитанный лист.

«…Каждое утро, задолго до рассвета мальчик вставал, наскоро умывался ледяной водой из кадки и, одевшись в неизменные мешковатые брюки, рубаху и – осенью и зимой – тулуп, выходил в поле.

Его работа была бы тяжела и для артели здоровых мужиков, но он справлялся с ней один, несмотря на истощенность. По всему полю, на краю которого располагался дом, с частотой шахматных фигур в едва начатой партии были разбросаны въевшиеся в землю многовековыми корнями пни. И мальчик принимался за их выкорчевывание. Он справлялся с ними один – непостижимым образом. Сторонний наблюдатель, случайно забредший в поле, подивился бы увиденному и, торопливо перекрестившись, постарался бы поскорей уйти. Не может такой худой и юный отрок справляться со столь тяжелой работой! Чертовщина какая-то, ей-богу.

К ночи мальчик заканчивал работу. Последний пень всегда оказывался самым древним, крепким, он изо всех сил

цеплялся корнями за материнскую землю, но в итоге нехотя, со стоном и скрипом, сдавался. Мальчик утирал со лба пот, который смешивался с кровью от содранных на ладонях мозолей, оттаскивал последний пень к остальным выкорчеванным и возвращался домой. Сил у него хватало лишь на то, чтобы дойти до избы и, неаккуратно сбросив мокрую от пота одежду в кучу, лечь на лавку. И когда его щека касалась отполированной временем потемневшей древесины, старик молча поднимался со своего места, подпаливал пучок сушеных трав и дымом окуривал тесное помещение. Пряный запах слегка одурманивал, и боль в мышцах и содранных в кровь ладонях ощущалась уже не так остро. Закончив окуривать помещение, старик опускался на колени перед распластавшимся на лавке мальчиком и начинал медленно втирать в его тело густую и остро пахнущую мазь. И уже после этого приступал к лечению ладоней. Он брал вначале одну руку мальчика, подносил к своим губам и что-то долго шептал над ней. После брал вторую. И, о чудо, кровь переставала сочиться, раны затягивались, и к утру ладони мальчика оказывались невредимыми.

Когда он вставал, на столе его ждал завтрак: ломоть деревенского хлеба, свежего, будто отломленного от только что испеченного каравая, и кружка чистой воды. Мальчик бросался к столу и жадно съедал вначале хлеб, а потом запивал его водой. И то ли еда и сон помогали, то ли ночные шептания старика, но каждое утро мальчик был бодр и по-

лон сил, будто накануне и не занимался тяжелым трудом. Более того, с каждым днем, казалось, сил у него прибавлялось.

После завтрака он умывался, одевался и выходил в поле выкорчевывать вновь появившиеся за ночь пни.

Так прошел еще один год: цикл из сменивших друг друга четырех времен года замкнулся пряным, пахнущим травами и медом августом. Мальчик прилежно выполнял свою работу, не пропустив ни одного дня. За этот год он заметно возмужал: раздался в плечах, на ранее тонких, как прутики, руках обозначился рельеф, а ладони, закаленные тяжелой работой, сделались жесткими и шершавыми, как кора побежденных пней. Мальчик не только изменился внешне – закалился и его характер. То, чего он добивался (или добивались от него), свершилось, он приобрел в шкатулку драгоценных качеств выносливость и терпение.

Однажды, открыв глаза, он увидел, что рассвет уже давно миновал и сквозь мутное, засиженное мухами окно в дом проникает насмешливый солнечный свет. Старика в избе не оказалось, но, несмотря на это, мальчик в панике вскочил. Проспал! Забыв про завтрак, он выбежал на улицу, одеваясь на ходу. Да так и замер с просунутой в рукав рубашки одной рукой и голой второй: в поле пней не оказалось. Радость – согревающая и густая, как сливовая наливка, которой однажды его угостила одна деревенская баба, постепенно наполняла душу, пока не взорвала ее ликованием. Не стесняясь,

мальчик сорвал с себя рубаху и заскакал по навсегда расчищенному полю, как молодой заяц…»

Ника отложила дочитанный лист и в задумчивости уставилась на него. Понятней не стало. Эдуард говорил, что события романа – реальные? Сейчас, после прочтения этого фрагмента, Нике так не думалось. Какая-то магия, какие-то то и дело появляющиеся пни. Больше было похоже на то, что приятель не изменил своему фантастическому жанру, только действие из космического пространства и параллельных миров перенес в более реальную обстановку.

– Ну и что ты хотел этим мне сказать? – вслух рассердилась Ника. – Намекнуть своими пнями, что я – полный пень? Да, я пень! Твои загадки мне непонятны! Это тебе нравилось составлять и разгадывать ребусы, а не мне.

Она встала, поставила грязную чашку в раковину, сложила листы обратно в конверт и, решив, что сегодня ей уж точно не разгадать ребус Эдички, направилась в комнату. По пути Ника захватила из коридора дорожный рюкзак, чтобы переложить из него свой блокнот с записями и фотокамеру Стаса в сумку, с которой ходила на работу. Блокнот ей понадобится завтра для работы, а с камеры она собиралась скачать фотографии в рабочий компьютер. Вчера, несмотря на потрясение, вызванное смертью коллеги, она по наитию спрятала дорогую фотокамеру в рюкзак еще до прихода полиции. Об остальных вещах Стаса позаботилась уже не она.

Ника не стала церемониться и вывернула содержимое

рюкзака прямо на ковер. И в куче из белья, рассыпавшихся средств гигиены, оберточной бумаги, использованных влажных салфеток нашла то, что искала: черный чехол, в который была спрятана камера, и свой изрядно потрепанный блокнот. Но среди вещей оказалась и одна неожиданная находка – толстая оплавленная свеча. Ника дрожащими пальцами подняла ее и поднесла к лицу, чтобы лучше разглядеть. Как свеча оказалась у нее в рюкзаке, она не имела понятия, но предположила, что в состоянии шока прихватила ее вместе с камерой, валявшейся возле мертвого Стаса. Свеча была из темного материала – то ли воска, то ли парафина – с черными вкраплениями. Ника повертела ее в руках, подумала, что надо бы выбросить, и машинально сунула в карман кофты. Затем положила камеру и блокнот в свою рабочую сумку, рассортировала вываленные на ковер вещи – что в стирку, что на выброс – и, сладко зевнув, с удовольствием подумала, что дела на этот день окончены, остается принять душ и лечь в постель.

III

Когда Ника, опоздав на добрых два часа, влетела в редакцию, то застала там не привычную ежедневную суету, а незнакомую нелепой здесь тишиной обстановку. Нет, работа продолжалась: так же спорили в кабинетах, бегали по коридорам, а в воздухе витал неистребимый кофейный дух, но только все это казалось сегодня другим – не настоящим, а будто декорациями к пьесе под названием «Все нормально. Ничего не случилось». Случилось. Умер первоклассный фотограф Стас, и сотрудники, занимаясь своими повседневными делами, не могли об этом не думать. Сбивались в кучки, сокрушенно перешептывались, вновь возвращались к своим делам и через короткие промежутки времени опять отправлялись небольшими компаниями в курилку или заваривали кофе, чтобы поговорить о неожиданной смерти коллеги.

Ника прошла к своему рабочему месту и, делая вид, что не замечает ни внезапно наступившей при ее появлении тишины, ни любопытно-настороженных взглядов сотрудников, наклонилась, чтобы включить компьютер.

– Опоздала, Болдырева.

Услышав голос главреда, она от неожиданности стукнулась затылком о столешницу и, зашипев от боли, вынырнула из-под стола.

– Зайди ко мне.

– Угу, – покорно промычала она и проводила взглядом удаляющуюся спину шефа. Едва тот вышел за дверь, Нику тут же обступили коллеги.

– Болдырева, что у вас там стряслось?

– Как это случилось, Ник?

– Бедный Стас… Почему он умер, Вероника?

– Ты видела, как это произошло?

От такого количества задаваемых одновременно вопросов у нее закружилась голова. Ника поморщилась и беззлобно обронила:

– Стервятники. Спасибо, что диктофоны не вытащили.

В другой ситуации шутка была бы воспринята и одобрена, но сейчас коллеги жаждали получить информацию, что называется, из первых уст. И неизвестно, что ими двигало больше: скорбь или профессиональный интерес. Игнорируя вопросы и возгласы, Ника протиснулась сквозь толпу сотрудников и вышла из комнаты.

В кабинете главреда кофейный дух смешался с устойчивым, въевшимся в стены и мебель табачным запахом. Сам шеф с неизменной сигаретой в пальцах просматривал материалы. И когда Ника вошла, он, не отрываясь от бумаг, будничным тоном, словно речь шла не о гибели сотрудника, произнес:

– Рассказывай, Болдырева.

– О Стасе?

– Ну о ком же еще. – Шеф наконец-то положил бумаги на

стол и посмотрел на Нику удивленно, словно поражаясь ее непониманию. И так как та замешкалась с ответом, нетерпеливо поторопил: – Давай-давай! Мне нужно знать все.

«Мне нужна свежая и подробная информация!» – так обычно распалялся он на летучках. Ника вздохнула и, словно отчитываясь на утренней планерке, рабочим тоном рассказала все, о чем знала сама.

– Вот и все, – закончила она. – Что касается статьи, то напишу ее сегодня, материал у меня с собой. Единственное, надо бы скинуть фотографии с камеры Стаса на мой компьютер.

– Камера у тебя? – приподнял одну бровь шеф. И Ника призналась, что успела спрятать ее в свою сумку.

– Очень хорошо, – без эмоций одобрил главред. – Потом вернем ее жене Стаса. Она, кстати, сегодня с утра звонила: похороны – в пятницу. Мы, конечно, со своей стороны поможем…

Шеф, поджав губы, задумчиво повертел в пальцах новую сигарету, а затем, спохватившись, кивнул:

– Иди, Болдырева. Статью принесешь позже.

Поднимаясь на свой второй этаж, Ника неожиданно услышала всхлипывания и неразборчивые бормотания, доносившиеся из курилки, расположенной под лестницей. Она остановилась и, перевесившись через перила, попыталась в подлестничном полумраке разглядеть того, кто плачет. Узнав секретаршу Валерию Сосновских, Ника торопливо сбежала

по лестнице и растерянно остановилась перед девушкой.

– Лерка?

Выглядела Валерия не лучшим образом. Ее лицо, кукольной красоте которого Ника втайне завидовала, было покрыто неровными пятнами румянца, щеки – в грязных подтеках расплывшейся туши, покрасневшие от слез глаза опухли настолько, что превратились в щелки. В пальцах девушка сжимала тлеющую сигарету с выросшим столбиком пепла.

– Ну, чего пришла? Иди, куда шла! – истерично взвизгнула Сосновских и вытерла лицо ладонью.

– Ты плачешь… – развела руками Ника.

– А сама разве не ревела? – с вызовом вскинула голову Валерия. – Ты же ведь была с *ним*, когда все случилось!

Она бросила сигарету прямо на пол и, закрыв лицо ладонями, завыла. Ника, растерянно хлопая глазами, стояла перед плачущей девушкой, не зная, что сказать или что сделать. Да и какие тут могут быть утешения…

– Расскажи мне, как он умер? Что сказал перед смертью? Он вспоминал меня?! – отняв руки от заплаканного лица, неожиданно выкрикнула Лера.

Ника вздрогнула и неуверенно протянула:

– Ну-у…

– Нет, не надо! Не говори! Я не хочу слушать! Я не хочу слышать о том, что он умер!

И Валерия зажала ладонями уши.

– Лер, пойдем в туалет. Умоешься.

Ника подхватила девушку под локоть. Та, удивительно, послушалась и, пошатываясь, словно тяжелобольная, побрела в туалет.

Возиться с секретаршей пришлось довольно долго, но в конце концов та немного успокоилась, умылась и нанесла на лицо тональный крем, замаскировавший красные пятна. Ника проводила Леру на рабочее место, заварила кофе и, поставив перед ней чашку, спросила:

– Тебя одну оставить или побыть с тобой?

– Оставь меня, – хриплым от слез голосом попросила Сосновских.

– Уверена?

Секретарша кивнула и, судорожно сглотнув, произнесла:

– Спасибо.

Ника пожала плечами и вышла из приемной.

Старательно игнорируя перешептывания и любопытные взгляды, она сделала вид, что углубилась в работу. Пару раз ее отвлекли, приглашая на обед, но Ника оба раза отказалась. Ей хотелось пообедать в одиночестве, не отвечать на бесконечные расспросы сотрудников, которые все еще не теряли надежды выпытать у нее подробности трагической командировки. Она дождалась, когда комната опустела, выключила компьютер, накинула дубленку и, проигнорировав общую столовую, вышла на улицу. Неподалеку от здания редакции располагалось кафе, в котором, как Ника знала, неплохо и недорого кормили.

Во время еды она старалась не думать ни о статье, ни о Стасе, ни о рукописи Эдуарда и, чтобы отвлечься, на салфетке стала составлять список необходимых покупок. Какой бы уставшей она себя ни чувствовала, после работы придется зайти в супермаркет за продуктами. В холодильнике – мышь повесилась. Мать всегда критиковала Нику за то, что та была отвратительной хозяйкой. Что бы было, если бы мама неожиданно вернулась из Америки и застала в когда-то блистающей хирургической чистотой квартире разбросанные вещи, пыль на мебели, пустой холодильник и грязную посуду в раковине! Страшно подумать, какой скандал закатила бы она своей неряшливой дочери.

– Как будто у меня есть свободное время для ежедневной уборки, – буркнула себе под нос Ника, словно мать и впрямь только что выговорила ей за беспорядок. И вновь вернулась к списку продуктов. Ходить по продуктовым магазинам она не любила. Чаще всего такие походы заканчивались тем, что Ника набирала в тележку кучу продуктов, без которых могла бы обойтись, и забывала самое главное, как, например, хлеб или молоко. К тому же непродуманные покупки съедали с ее кредитки отнюдь не ту сумму, которую она рассчитывала потратить.

– Мама права, я отвратительная хозяйка, – вздохнула Ника и решительно вычеркнула из только что составленного списка чипсы, шоколад и кока-колу. Вместо этого вписала яйца (надо хотя бы раз сподобиться приготовить себе ом-

лет!), овсянку (давно уже собиралась начать завтракать не пустым кофе, а полезной кашей) и сок. Ну, полуфабрикаты, которые можно приготовить в микроволновке за пять минут, она и без списка купит.

Вернувшись после обеда на свое рабочее место, Ника занялась скачиванием фотографий с камеры Стаса на свой компьютер. И мысли, о которых она так старалась избавиться, вновь атаковали ее. Эдичка, рукопись, ночевка в заброшенном доме, смерть Стаса… Сюжет для дешевого триллера.

* * *

Домой возвращаться не хотелось. И не было для этого какой-то особой причины, просто руки как-то сами вывернули руль, игнорируя нужный поворот, ведущий к дому, а нога сильней нажала на педаль газа. Андрей Никитин, отмахнувшись от здравого смысла, запротестовавшего против полуночного вояжа, покрутил колесико автомагнитолы, делая звук громче, и вытащил из полусмятой пачки сигарету.

Жена звонила полчаса назад и сообщила, что сегодня тоже задержится. Какая-то важная встреча… Очередная. Три месяца назад Лилька перешла на новую работу – более успешную и хорошо оплачиваемую. Но в жертву карьере принесла домашние вечера, которые они раньше проводили вместе.

– А что делать, если твоя работа совершенно безденеж-

ная? – в запальчивости спросила она Андрея, выразившего недовольство такими частыми сверхурочными. – С голоду дохнуть?

С тем, что они «с голоду дохнут», Андрей не был согласен категорически, однако скрепя сердце признавал, что зарплата военнослужащего весьма и весьма небольшая, а с подработкой недавно пришлось расстаться по причине того, что фирма, в которой он по сменам работал охранником, прогорела.

– Я устроюсь на вторую работу! – еле сдерживая себя, чтобы не закричать на жену, процедил сквозь зубы он и крепко сжал пальцами телефон.

– Вот когда устроишься, тогда и выступай со своими претензиями, – сказала Лилька, как отрезала, и отключила мобильник.

Господь с тобой, золотая рыбка… Андрей приоткрыл окно и выбросил недокуренную сигарету. Ничего, скоро он найдет подработку и потребует у жены отказаться от сверхурочных. Увольняться из армии Андрей не собирался, желал дослужиться до более высоких чинов. Правда, Лиля к таким его карьерным устремлениям относилась весьма скептически:

– Ну-ну… Очень уж хочется стать генеральшей, да сильно сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет.

На это он замечал, что раз ей так не нравится его профессия, не надо было выходить замуж за него, тогда еще моло-

денького лейтенанта.

– Настанет и на моей улице праздник, «генеральша»… – процедил сквозь зубы Андрей и, рискованно не снизив скорости, свернул с шоссе на улочку.

Лильку он продолжал любить, несмотря на ее стервозный характер. Впрочем, жену тоже можно было понять: ей хотелось модно одеваться, ходить в рестораны и на концерты, ездить раз или два в год на курорты. Молодая эффектная женщина, она хотела жить ярко, красиво, не спотыкаясь о бытовые проблемы. Андрей же больше мечтал об уютной семейной жизни – без скандалов, с вкусными ужинами по вечерам, воскресными семейными прогулками по парку, с детьми… Как у сестры.

– Если бы ты зарабатывал так, как Ольгин муж, я бы тоже могла позволить себе сидеть дома и печь пирожки, – тут же находила веский аргумент Лилия, и Андрей мысленно стонал: деньги, деньги, деньги! Впрочем, в то, что Лилька согласилась бы сидеть дома и печь ему пироги, верил он слабо: жена его была из другого теста, не такая, как домашняя Оля. И рожать она, похоже, не собиралась, новая работа менеджера в крупной компании поглотила ее целиком. К тому же Лилька панически боялась испортить фигуру. «Потом, потом…» – отговаривалась она, недовольно морща нос. А Андрей недоумевал: когда «потом»? Ведь им с Лилей уже по тридцать два года.

Занятый своими мыслями, он не заметил, что свернул на

дорогу, ведущую к дому сестры. И очнулся от дум лишь тогда, когда остановился перед Ольгиным подъездом. Немного поколебавшись, Андрей вышел из машины и, задрав голову, с надеждой посмотрел на освещенные окна. Зайти, раз уж приехал? Сам не понимая, почему колеблется, он потоптался возле машины. Ольга, без сомнения, будет рада его видеть, накормит горячим ужином и, как заботливая жена, расспросит, как прошел его день. И он, сытый и довольный, будет качать на коленях хохочущую Дашку и рассказывать сестре какие-то незначительные новости. Андрей представил себе подобную идиллию и на секунду зажмурился от удовольствия, как котенок, которого приласкали, но тут же опомнился и вернулся в машину. Нет. Это не его семья, а семья сестры. И сейчас Ольга должна кормить ужином не его, а Володю и расспрашивать о том, как прошел день, мужа, а не брата. К тому же сестра может поинтересоваться, почему он не торопится после работы домой, и излишне встревожится. Она очень мнительная. Нет, не надо ее беспокоить. Андрей нажал на педаль газа и рванул с места так, будто участвовал в гонках.

* * *

Странно подумать, что когда-то он относился к февралю равнодушно. Этот месяц был для него промежуточным: короткий мост между зимой, которую он любил, и весной,

которую терпеть не мог из-за слякоти. Этот месяц – месяц простуд, усталости и депрессий для других – для Родиона проскальзывал незаметно, пресно. Вирусы в этот месяц его никогда не одолевали, депрессия обходила стороной. Даже мужской праздник, раньше именуемый Днем Советской Армии, был не его: он никогда не служил в армии, советские праздники не любил, как не любил и всю ту эпоху. А к новомодным «буржуйским», вроде Дня святого Валентина, не испытывал доверия.

Тридцать февралей промелькнули, не отпечатавшись ни в памяти, ни в душе, ни в сердце. Он споткнулся о тридцать первый, четко о его середину, о тот пресловутый пафосный день влюбленных (ох, не зря он относился с подозрением к иноземным праздникам!).

Ее звали Мишель. Конечно, в паспорте было записано другое имя, но мало кто знал его. Всем она представлялась как Мишель, и никто не посмел усомниться в том, что это имя – неродное, так оно шло ей, тонкой, как стебель маргаритки, воздушной, как ветер, хрупкой, как китайский фарфор, с огромными, немного наивными темными глазами и стрижкой «гаврош». Кто-то как-то пустил слух, что у Мишель были французские корни, и все в это охотно поверили. А иначе и быть не могло. Только она могла носить купленные в секонд-хенде вещи так, что они казались дизайнерскими. Если бы кто-нибудь осмелился повторить ее стиль, то выглядел бы смешно, она же всегда, в любой тряпке, в любых, да-

же самых безумных сочетаниях расцветок, фактур и стилей, выглядела богиней.

Только она могла курить крепкие папиросы без фильтра с таким изяществом, будто то были тонкие ментоловые сигаретки. И не выглядеть при этом вульгарной.

Только на ней «Красная Москва» (которую она покупала не из-за отсутствия денег, а потому, что не признавала других духов) раскрывалась не хуже избитых шанелей и диоров.

Пластмассовая бижутерия, кожаные и нитяные «фенечки» шли ей куда больше бриллиантов. Бриллианты ей тоже пошли бы, но драгоценности она не любила.

Только она поправляла волосы таким сексуальным движением руки, что находящиеся в радиусе ста метров мужские особи попадали в неловкое положение. Многие знакомые пытались скопировать у нее этот жест, но так и не смогли наполнить его той естественной сексуальностью, которая была у Мишель.

Он познакомился с ней на вечеринке по случаю пресловутого дня влюбленных, на которую не хотел идти, но в последний момент поддался на уговоры приятеля. С кем пришла на праздник Мишель, так и осталось тайной. И было неясно, что у нее может быть общего с этой компанией, состоящей из пьяных хамоватых мужиков и разгульного поведения девок.

Ей было скучно, но она почему-то не уходила. Родион тоже чувствовал себя не в своей тарелке, Мишель это сразу поняла и первая подошла к нему.

– Терпеть не могу этот день, – сказала она. Не ради того чтобы завязать знакомство, а потому что действительно терпеть не могла этот день, но сказать об этом ей оказалось некому, кроме Родиона.

– Уйдем отсюда? – спросил он, постаравшись избежать пошловатого намека в интонации. Вместо ответа она с готовностью обмотала вокруг шеи длинный и широкий шарф.

Они до утра бродили по февральским улицам. То молча, то перебрасываясь короткими фразами. О себе она ничего, кроме того, что ее зовут Мишель и что она художница, не рассказала. В основном говорил Родион: вспоминал какие-то истории, которые ему самому казались глупыми. Но Мишель вежливо улыбалась и делала заинтересованный вид.

Потом она пригласила его в одно богемное кафе пить кофе и курить кальян. Ее приветствовали странные личности в намотанных на шеи вязаных шарфах, с прокуренными или простуженными голосами, небритые, длинноволосые, похожие на хиппи из семидесятых, в круглых или квадратных очках. Она отвечала на приветствия с такой искренней жизнерадостностью, будто все эти личности были ее обожаемыми братьями и сестрами, расцеловывалась с ними в обе щеки, чем вызывала у Родиона необъяснимые и неоправданные уколы ревности. Ему хотелось влиться в ее мир, но он не носил ни круглых очков, ни длинных шарфов, ни ботинок на толстой подошве, ни обтрепанных по краю брюк, не курил папиросы, а в картинных галереях был всего пару раз, да и

то в школьные времена, по обязаловке.

Ему хотелось, чтобы она принадлежала ему целиком. С ее папиросами, «Красной Москвой», грубой вязки шарфами и трикотажем из бабкиного сундука, с французскими корнями, с видимой невинностью, так не сочетающейся с бурными оргазмами, с ее пороками и добродетелями, с безумными сочетаниями цветов на ее картинах, с ее абстрактностью в мыслях и консервативностью в привычках. Но она ему не принадлежала, как не принадлежала никому.

Она бывала с ним, а потом внезапно исчезала и через некоторое время вновь появлялась. И никогда нельзя было угадать, когда она уйдет (это всегда происходило в самые неожиданные моменты), сколько будет отсутствовать и сколько вновь пробудет с ним после возвращения. Он никогда не спрашивал Мишель, куда она уходит, хоть и догадывался, что во время своих отлучек она душой и телом бывала с другими. Он сгорал от ревности, сходил с ума от тоски по ней, вычеркивал ее из своей жизни (но не из сердца и мыслей) и вновь прощал ей грехи, когда она возвращалась. И все опять шло по знакомому кругу, начало которому было положено в тридцать первом феврале, два года назад.

Но круг грозил вскоре разорваться, потому что в этот раз Мишель собиралась уйти навсегда.

* * *

В мрачном настроении, всей душой желая, чтобы этот день поскорей закончился, Ника вышла на крыльцо и, поежившись от ледяного ветра, приподняла воротник дубленки. Здание редакции располагалось в двадцати минутах от метро, и Ника привычно помедлила, раздумывая, топать ли по холоду до станции или подождать автобуса. Впрочем, транспорт можно прождать долго, и пешком может получиться быстрее, к тому же при быстрой ходьбе она не замерзнет. Подумав так, Ника спустилась с крыльца и направилась было в сторону метро, но услышала за спиной оклик:

– Вероника! Болдырева!

Она оглянулась и с удивлением увидела секретаршу Леру Сосновских, отчаянно машущую ей рукой из припаркованной неподалеку машины.

Когда Ника приблизилась к дорогой и холеной, как и сама Валерия, иномарке, Сосновских распахнула дверь со стороны пассажирского сиденья.

– Хочешь, я тебя к метро подброшу? – Голос у Лерочки был заискивающий, будто она не услугу предлагала, а просила о великом одолжении. И Ника заподозрила, что секретарша не просто так предложила подвезти ее до метро. Более того, было похоже, что Валерия специально поджидала ее.

– Давай, – не стала ломаться Ника и села в салон.

Лера завела двигатель, и только после того, как машина плавно тронулась с места, завела разговор:

– Я с тобой поговорить хотела. О Стасе. Я хочу знать все подробности. Ты была с ним, когда он…

Девушка запнулась, и Ника с тревогой покосилась на нее: как бы опять не закатила истерику. Но нет, с виду Валерия казалась спокойнее и гораздо бодрее, чем утром. Она привела себя в порядок и сейчас выглядела, как всегда, безупречно: жемчужные волосы гладко зачесаны, на фарфоровом личике – умело сделанный макияж. И только дрогнувший голос и то, с каким остервенением Лера вцепилась в руль, выдавали ее напряжение.

– Если не торопишься, могли бы заехать в одно место, где вполне прилично кормят. Я тебя приглашаю, – предложила Сосновских, не отрывая взгляда от дороги.

– Спасибо, Лера, но я на самом деле тороплюсь, – вежливо ответила Ника, с трудом подавив желание принять приглашение. Если она засидится в ресторане или кафе, точно не купит, как планировала, продуктов. Конечно, можно отложить поход в супермаркет на завтра, с голоду она от этого не помрет, но Ника не знала, чего ожидать от секретарши. Та может вновь разреветься, и тогда возиться с ней придется очень долго.

– Свидание? – с некоторой горечью в голосе поинтересовалась Лера, переводя Никин ответ на свой лад. Та не стала отрицать, лишь промычала что-то невразумительное. – А

мы со Стасом поссорились… – глухо обронила Лера. – Как раз накануне. Если бы я знала! Если бы! Он позвонил мне, стал говорить что-то про свою жену, которую не может сейчас оставить по каким-то там очень важным для него или нее причинам. Я вспылила и сказала, чтобы он мне больше никогда не звонил. Понимаешь? Ни-ког-да! Как я могла подумать, что мое пожелание исполнится!

– Лер…

– Не надо, не утешай меня!

– И все же. Он тебе звонил. Как раз перед тем как…

Лера всхлипнула, но справилась с назревающей истерикой.

– Расскажи мне, как все произошло, – потребовала она и опасно не сбросила скорости на повороте. Ника машинально вцепилась пальцами в сиденье и неодобрительно покосилась на Леру: та совершенно не думала о безопасности.

– Я сама мало что знаю. Хоть и была там.

Ника закончила свой короткий рассказ в тот момент, когда Лера припарковалась возле метро. За всю дорогу Сосновских не вымолвила ни слова. Даже остановив машину, продолжала сидеть молча. И только когда Ника решила нарушить тишину, наконец-то произнесла:

– Не спрашивай, откуда, но я сегодня узнала о результатах медэкспертизы. Постановили, будто причина смерти Стаса – сердечная недостаточность. Но я не верю. Он был здоров как бык. Мне ли не знать… Такие секс-марафоны выдерживал!

Я уставала, а он – хоть бы что! Какая тут сердечная недостаточность, о чем они? Не верю я, что он вот так просто взял и умер. Не верю!

И Сосновских вновь погрузилась в тяжелое и долгое молчание.

– Лер, – не выдержала Ника. Валерия вздрогнула, будто неожиданно обнаружила постороннее присутствие, и посмотрела на пассажирку затуманенным взглядом.

– Не надо, не говори ничего.

– Не буду.

– Спасибо, что рассказала мне все, как было, – отстраненно поблагодарила Лера, и Нике показалось, будто в васильковых глазах девушки вновь мелькнули слезы. – Ты, кажется, говорила, что торопишься…

– Да, конечно, – поспешно засуетилась Ника, поняв откровенный намек Валерии. – Спасибо, что подвезла.

– Не за что. Извини, мне нужно побыть одной…

– Понимаю. Ну, пока?

– Пока.

Направившись к метро, Ника не удержалась и оглянулась. Так и есть, Лерина машина все так же стоит на месте, а сама хозяйка, не погасив в салоне света, сидит, уронив голову на сложенные на руле руки. На мгновение мелькнула мысль, что, наверное, не следовало оставлять Сосновских одну, но, с другой стороны, Ника не знала, как ей помочь.

Дома, загружая в морозилку коробки с замороженными

котлетами, блинчиками и пельменями, она не могла отвязаться от запавших в память слов Леры о том, что Стас не страдал сердечными заболеваниями, но умер якобы от сердечной недостаточности. Хотя Лера могла и не знать, было у Стаса больное сердце или нет: вряд ли тот стал бы рассказывать любовнице о своих болячках. Кто о них может знать, так это жена. Может, позвонить этой женщине, расспросить? Впрочем, о чем это она… Зачем? С какой стати собирается сунуть нос в дела, которые ее не касаются?

А ведь Эдичка тоже умер от сердечной недостаточности, при этом сердце у него было здоровое…

Силясь отогнать навязчивые мысли о таких похожих смертях сотрудника и приятеля, Ника постаралась переключиться на другое. Стоит подумать об ужине. Вопреки недавним обещаниям самой себе начать питаться домашней едой, она опять накупила полуфабрикатов. Но что поделать, если ни времени, ни сил на готовку не остается? Тем более что, провозившись часа два на кухне, она все равно рискует остаться голодной: мясо у нее либо пригорало, либо оставалось сырым, макароны и те умудрялись развариться до кашеподобного состояния и не вызывали ни малейшего желания их съесть. «Никто тебя замуж не возьмет, если не научишься нормально готовить!» – часто выговаривала ей мать еще до отъезда в Америку.

– А вот и фиг! Возьмут! – с вызовом, будто мама присутствовала на кухне, сказала Ника. – Выйду замуж за повара!

Или, что еще лучше, за владельца ресторана!

Пытаясь не слушать ехидный внутренний голос, напомнивший об Андрее, она с силой захлопнула дверцу морозилки и сунула в микроволновку замороженную лазанью. И в этот момент раздался звонок в дверь.

На пороге стоял молодой парень в форме с эмблемой службы почтовой доставки.

– Болдырева Вероника? – осведомился курьер и, когда она подтвердила, протянул ей тонкий конверт формата А4 и бланк: – Распишитесь.

Проводив курьера, Ника с пакетом прошла на кухню. Подпись отправителя стояла самая безликая: Иванов Иван Иванович. Возможно, человека, отправившего этот пакет, на самом деле звали так, но в это почему-то не верилось. Адрес отправителя указан не был. Ника в недоумении разглядывала конверт со всех сторон, медля с тем, чтобы его открыть.

– Интересно, как это служба доставки согласилась принять пакет от человека, назвавшегося вымышленным именем?

И тут же вспомнила, что парень-курьер не изъявил желания увидеть ее паспорт.

– Халтурят, – осудила Ника службу доставки и надорвала край пакета.

Из конверта она вытащила три листа с напечатанным на них текстом, в котором не без удивления признала еще два отрывка из уничтоженной рукописи Эдички. Уж не он ли

сам скрывался под именем Иванова Ивана Ивановича? Но не успела Ника додумать эту мысль до конца, как из перевернутого конверта выпал еще один листок, блокнотного формата. «Вы в опасности. Берегитесь», – было написано на нем от руки печатными буквами. И эта странная анонимная записка, то ли с угрозами, то ли с предостережениями, уверила Нику в том, что пакет был вовсе не от Эдички.

IV

На похоронах Ника не плакала, как многие девушки из редакции. Чувствуя неловкость за свои сухие глаза и излишнее любопытство, так некстати поднявшее голову, она украдкой обвела взглядом толпившихся возле свежей могилы людей. Проводить Стаса в последний путь пришло много народа: фотограф он был довольно известный. Разглядывая его друзей, коллег и родственников, Ника неприлично надолго, рискуя быть разоблаченной в своем неуместном любопытстве, задержала взгляд на вдове Стаса. Когда-то от местных кумушек-сплетниц она слышала, что супруга фотографа старше его на несколько лет, и ожидала увидеть оплывшую тетку с печатью усталости на простоватом лице и испорченными перманентом волосами. Но вдова Стаса оказалась молодой женщиной с тонкими правильными чертами лица и темными, как маслины, глазами, выдававшими примесь южной крови. Держалась она довольно стойко, провожала своего неверного мужа в последний путь без истерик и рыданий. Ее привлекательному лицу удивительно шла аристократичная выдержанная скорбь. Ника с недоумением подумала о том, как Стас мог направо и налево изменять такой женщине. Неудивительно, что сейчас она хоронит своего неверного супруга с такой отчужденной холодностью.

Спохватившись, что нехорошо осуждать ушедшего в мир

иной, Ника отвела взгляд. Странное ощущение – находиться на похоронах безвременно ушедшего талантливого коллеги, с которым она была в неплохих отношениях, и сейчас ровным счетом ничего не испытывать: ни скорби, ни сожаления, ни грусти. Может, лишь… небольшую скуку и досаду. Будто находится она не на похоронах, а на неинтересном светском мероприятии, на которое ее обязали явиться.

Длинная очередь в тяжелом молчании медленно двигалась к гробу – прощаться. Ника положила свои цветы и отошла в сторону, уступая место другим. Чуть поодаль она заметила молодого мужчину с букетом белых гвоздик, державшегося особняком. Незнакомец не торопился подходить к гробу, и у Ники неожиданно возникло предположение, что вообще пришел он не к Стасу. Словно в подтверждение ее мыслей, мужчина, встретившись на короткое мгновение с ней взглядом, поспешно отвернулся, присел над одной из соседних могил и с преувеличенным почтением возложил на нее цветы.

…Где-то она уже видела его. И эту высокую худую фигуру, облаченную в черное пальто, и «иконописное» лицо с тонким прямым носом. Длинные, чуть вьющиеся русые волосы и короткая бородка придавали лицу мужчины еще больше сходства с божественным ликом, но иллюзию святости разбивала арктическая холодность светлых почти до прозрачности глаз.

Ее размышления прервала некрасивая своей публично-

стью сцена. Когда гроб опустили в землю, секретарша Лера, до этого в смиренном оцепенении смотревшая в черноту ямы, неожиданно громко и визгливо заголосила и, проворно расталкивая толпу локтями, бросилась к могиле. Еще мгновение, и красавица Лерочка скатилась бы по осыпающейся свежей земле в яму. Ее, отчаянно брыкающуюся, успели поймать на самом краю и отвести в сторонку. Ника краем глаза заметила, что жена Стаса, на чьих глазах произошла эта сцена, лишь презрительно поморщилась и легонько сжала пальцами ладонь высокого импозантного мужчины, который всю церемонию находился с ней рядом.

Когда все закончилось, Ника неожиданно для себя задержалась возле могилы. Сунув руки в карманы дубленки и ежась от холода, она, не мигая, смотрела на свежую земляную насыпь, скрытую венками и цветами, на развевающиеся на ветру черные ленточки, привязанные к искусственной хвое, которые словно порывались взлететь, покинуть это унылое место. И, наконец, пришло осознание, что красавчика Стаса больше нет, что теперь он принадлежит не миру живых людей, а этой холодной мертвой земле.

– Упокоился рано, сердешный…

Услышав за спиной тихий голос, Ника испуганно вздрогнула и, резко обернувшись, увидела маленькую сгорбленную старушку, которая скорбно глядела туда же, куда и она.

– Не по своей воле-то…

Старушка вздохнула, выпростала руку из-под пухового

платка, которым по-старушечьи крест-накрест был перевязан для тепла ее ветхий полушубочек, и торопливо перекрестилась. Сморщенное, как печеное яблоко, маленькое личико, истончившиеся до блеклой линии губы, выцветшие от времени глаза и крупное, размером с пятак, родимое пятно на левой щеке. Обычная старая женщина. Для Ники все старушки, как и младенцы, были на одно лицо.

– Почему вы так сказали? Про то, что не по своей воле он упокоился?

– Да как же, милая. – Бабулька едва заметно пожала закутанными в платок плечами. – Молодые такие не по своей воле уходят. Я тут, на кладбище, уже столько похорон повидала… Знаю почти все про здешних покойников, к кому родственники приходят, к кому – нет. И приходящих знаю многих – примелькались.

– А его тоже? – быстро спросила Ника, указывая на мужчину с иконописным лицом, который теперь спешными размашистыми шагами направлялся в сторону выхода.

– Нет, – после некоторых раздумий уверенно ответила старушка. – Его я тут никогда не видела. Да и непонятно, к кому он пришел: смотрел на похороны, однако не подошел, а цветы положил на могилу Клавдии Ковалевой, упокоившейся тремя днями раньше. Я помню похороны Клавдии, и этого человека среди ее родственников не было.

Старушка замолчала, но не успела Ника поблагодарить ее за сказанное, как она вдруг произнесла:

– Но он вернется сюда. *Мертвец.*

– Что? – переспросила, встрепенувшись, Ника. Слова старушки, произнесенные свистящим шепотом, заставили ее боязливо поежиться.

– Мертвый он, говорю, этот мужчина. Не жилец. Я такие вещи *чувствую.*

И старушка вновь, вздохнув, перекрестилась. Ника, для собственного успокоения решив, что разговаривает с сумасшедшей, поспешно попрощалась с бабушкой и бросилась догонять коллег.

– Берегись, деточка! – раздался за ее спиной голос старушки, и Ника невольно замедлила шаг. – Печать смерти и на тебе лежит!

Ей удалось уйти из ресторана, в котором проходили поминки, раньше остальных приглашенных. В душном, переполненном людьми помещении ей перестало хватать воздуха, и Ника, воспользовавшись тем, что при таком количестве народа вряд ли кто-то заметит ее уход, незаметно ускользнула. Остановившись в дверях, она сделала несколько жадных вдохов и только после этого, почувствовав себя лучше, спустилась с крыльца.

Ника ошиблась, решив, что ее уход останется незамеченным. Едва она направилась в сторону метро, как за ее спиной раздался звонкий девичий голос:

– Вероника! Болдырева! Подожди!

Оглянувшись, она увидела, что ее торопливо, оскальзываясь на обледеневшем снегу и рискуя упасть, догоняет Лера.

– Уже уходишь?

В голосе Лерочки просквозила странная смесь отчаяния и радости. Она будто была рада встретить Нику, но в то же время расстроилась из-за ее ухода. Кажется, на поминках Валерии не было.

– Да.

– Мне нужно с тобой поговорить. Опять. Я тебя специально в машине сидела караулила. Хочешь, подвезу потом прямо к дому?

И хоть изначально Ника собиралась пройтись на свежем воздухе, отказать Лере она не смогла. О чем собиралась говорить с ней Сосновских, она уже догадалась. О Стасе, о ком еще.

– А почему тебя в ресторане не было? – поинтересовалась Ника, направляясь следом за Лерочкой к одной из припаркованных во дворе ресторана машин.

– Не смогла. Сидеть за одним столом с его женой, выслушивать слова о том, какой он был хороший и как его будет нам не хватать, – это выше моих сил.

Ника, усаживаясь в пахнущий тонкими духами салон иномарки, понимающе кивнула. Лера заняла водительское сиденье, но не торопилась заводить машину. Вместо этого она, будто не решаясь начать, бросила на Нику пару коротких взглядов и зачем-то включила и выключила магнитолу.

– Мне тебе кое-что сказать надо, – начала, наконец, она. И после короткой паузы торжественно объявила: – Я еду в ту деревню, в которой умер Стас.

– Глупость какая! – вырвалось у Ники, но она тут же прикусила язык, заметив мелькнувший в васильковых глазах Лерочки гнев.

– Я так и знала, что ты так отреагируешь! – воскликнула Сосновских.

– Подожди, подожди, Лера. Тише ты, – попыталась остудить ее Ника. – Зачем тебе туда ехать? Стас умер от сердечного приступа, его сегодня похоронили и…

– Он не мог умереть от сердечного приступа! – закричала Валерия. – Вот, смотри!

Она порылась в своей сумочке и сунула Нике тощую пачку каких-то бумаг.

– Что это?

– Копия его медицинской карты из клиники, в которую он обращался. Ты же знаешь, в социальный пакет для сотрудников нашей редакции входит медицинская страховка, по которой мы можем обслуживаться в нескольких коммерческих клиниках. Так вот, я воспользовалась кое-какими связями и достала копию медицинской карты Стаса. Он обращался в клинику всего два раза, и то для того лишь, чтобы пройти обследование. В карте нет ни одной пометки о том, что у Стаса были какие-то проблемы с сердцем. Он очень следил за своим здоровьем, посещал тренажерный зал, старался

правильно питаться…

А Лерочка не так глупа, как кажется. Ника с уважением покосилась на девушку и быстро просмотрела копию медицинской карты Шатрова. Действительно, записей было очень мало, и касались они двух пройденных обследований. Первое Стас прошел год назад, второе – совсем недавно, в январе. И в обоих медицинских заключениях значилось, что был Шатров здоров.

– Вот видишь! – торжествующе воскликнула Лерочка, когда Ника молча протянула ей бумаги. – Не было у него проблем с сердцем! Я поеду в ту деревню и буду разговаривать с полицией, с медиками, которые написали заключение о его смерти, чтобы добиться правды. И, будь спокойна, я ее добьюсь!

Глаза Сосновских на этот раз полыхнули фанатичным блеском, и Ника невольно поежилась.

– Ну хорошо, Лера, поедешь ты… Хотя, если честно, все равно не понимаю, какую пользу тебе принесет это расследование.

– Если его убили, то виновные будут найдены и понесут заслуженное наказание! – с пафосом, будто давая клятву, выпалила Лера.

«Убили», приехали. Ника еле сдержала колкое замечание и только из уважения к Лерочкиному горю промолчала.

– Я тебе это все рассказываю не просто так, – продолжила Валерия. – Мне нужна твоя помощь. Дай мне подробные ко-

ординаты того места, где все произошло, и еще раз расскажи в деталях о случившемся.

Лерины слова вновь вызвали воспоминания, о которых хотелось забыть. Лицо Стаса, искаженное ужасом, седые на висках волосы. Гримаса страха и на лице Эдуарда. Их лица – красивое, породистое Стаса и невзрачное, скучное Эдички – стали похожи, словно лица близнецов. Смерть их будто уравняла, подвела под общий знаменатель. Нике, как сейчас Лере, плохо верилось в то, что ее друг Эдичка, как и Стас, умер от сердечной недостаточности. Но как знать…

– Надеюсь, хоть не одна туда поедешь? – сдалась Ника перед такой горячностью Валерии.

– Брата попрошу сопроводить, – тихо вымолвила та. – Хотела попросить тебя, но…

– Нет. Даже не уговаривай.

– Я знала, что ты откажешься. Ладно, пусть так, расскажи мне только, как туда добраться и с кем побеседовать. Дальше я сама разберусь.

Ника помедлила с ответом. Отвернувшись к окну, она смотрела на освещенный двор ресторана. На крыльцо вышло несколько сотрудников редакции и, закурив, принялись резво о чем-то спорить. С такой горячностью в курилках обычно обсуждали материал, анонсы о котором планировали вынести на обложку. Нике показалось, что в этот раз сотрудники судачили о неожиданной кончине фотографа. Стало неприятно. Лера, быстро взглянув на крыльцо, видимо, подумала

о том же, потому что завела машину и плавно тронулась с места.

Ника бросила прощальный взгляд на ресторан. Коллеги все как один повернули головы в сторону отъезжающей машины. Наверняка узнали иномарку секретарши и теперь с удовольствием перемоют Сосновских косточки. Припомнят ей и любовную связь с покойным, и скандал на кладбище, и то, что Валерия так и не появилась на поминках. Нике внезапно стало жаль Лерочку. И она пригласила ее к себе.

* * *

Курить хотелось смертельно, а сигареты, как назло, закончились. Как же он, заядлый курильщик, так лопухнулся, забыл купить сигареты по пути домой? И спохватился лишь после позднего ужина из полуфабрикатов, приготовленного утомленной и раздраженной Лилькой. «Картонную» еду хотелось закурить, чтобы создать видимость сытного удовлетворения. И, по-буржуйски, хорошей сигарой. Но казенный, почему-то вызывающий ассоциации с сухим пайком ужин не заслуживал ароматной сигары, а тянул разве что на дешевую сигарету, да и той не оказалось. Андрей разочарованно заглянул в пустую пачку, обнаружил лишь табачные крошки и в сердцах смял поддавшийся картон.

– Лиль, я за сигаретами! – зычно оповестил он жену, которая в ответ разразилась недовольной тирадой о вреде ку-

рения, табачной вони и потраченных на этот яд деньгах. Андрей досадливо поморщился. Словно подросток, желающий незаметно проскользнуть мимо родителей, он воровато натянул куртку и, на ходу застегиваясь, выскочил за дверь. Курить захотелось еще сильней.

В этот поздний час табачные палатки оказались закрытыми, а до круглосуточного супермаркета – добрых пятнадцать-двадцать минут пешком. Но Андрею прогулка была на руку. Он поднял воротник армейской куртки и сунул руки в карманы. Перчатки не захватил, шапку – тоже. Впрочем, на улице будто потеплело: то ли ветер стих, то ли создавалась видимость тепла от падающего на безлюдную улицу желтого, как дынный бок, света фонарей. То ли просто согревала мысль, что скоро он чиркнет зажигалкой и с наслаждением вдохнет горьковатый дым.

День выдался не то чтобы сложным, он оказался самым что ни на есть обычным, но из-за этой похожести на другие дни и казался тяжелым. Лилька привычно припозднилась и с порога выразила недовольство. Она в последнее время слишком часто раздражалась и, как казалось Андрею, специально искала поводы, чтобы придраться к чему-нибудь. На этот раз жена затеяла скандал из-за того, что он ужинал бутербродами в комнате, перед телевизором, и якобы крошил на ковер. Завязалась обязательная в последнее время перебранка. Они поругивались лениво, без накала, скучно, заменяя перепалкой обыденный разговор двух уставших лю-

дей, встретившихся после трудового дня за ужином. Обменявшись упреками и придирками, как обмениваются новостями, оба, как по сигналу, смолкли, когда звякнула микроволновка, извещающая, что «картонный» ужин готов. Ели они уже молча.

Андрей вышел из магазина и прямо на крыльце жадно закурил. Ему захотелось отвоевать у времени резерв, равный одной-двум неспешно выкуренным сигаретам, прежде чем возвращаться в свою не слишком комфортную домашнюю жизнь. Он смотрел, как на перекрестке мигает светофор, меняя цвета, как новогодняя гирлянда. И как ненадолго притормаживают на красный свет одинаково темно-серые в ночном освещении машины, а затем срываются с места со стремительностью породистых скакунов. Торопятся в уютные «стойла» после долгого дневного марафона. Андрей с педантичной аккуратностью затушил окурок о край урны и после недолгих колебаний вновь закурил. Он не спешил, в отличие от полуночно-серых машин и припозднившихся прохожих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.